

№ 5
1955

СУДЕБНАЯ
ПРАКТИКА
ВЕРХОВНОГО СУДА
СССР

5

1 9 5 5

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1955

№ 5

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПО ОТДЕЛЬНЫМ ДЕЛАМ

СТАТЬЯ 59³ УК РСФСР И СООТВЕТСТВУЮЩИЕ СТАТЬИ УГОЛОВНЫХ КОДЕКСОВ ДРУГИХ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК ПРЕДУСМАТРИВАЮТ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕ ТОЛЬКО ЗА УЧАСТИЕ В БАНДЕ, НО И ЗА ОРГАНИЗАЦИОННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО СОЗДАНИЮ БАНДЫ

*Дело Абрамушкина и Юркина. Постановление Пленума
от 29 июля 1955 г.*

[Извлечение]

По приговору судебной коллегии по уголовным делам Кемеровского областного суда от 17 марта 1955 г. были осуждены: Абрамушкин — по ст. 59³ УК РСФСР, ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и по п. «а» ч. 1 ст. 136 УК РСФСР по совокупности, с применением Указа Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1954 г. «Об усилении уголовной ответственности за умышленное убийство» к расстрелу без конфискации имущества; Юркин — по п. «а» ч. 1 ст. 136 УК РСФСР, по ст. 2 назван-

ного Указа от 4 июня 1947 г. и по ст. 59³ УК РСФСР по совокупности к 25 годам заключения в исправительно-трудовом лагере без поражения в правах, с конфискацией изъятых часов.

Абрамушкин и Юркин признаны виновными в том, что по предварительному сговору между собой они с целью завладения оружием в 2 часа ночи 10 декабря 1954 г. напали на возвращавшегося с дежурства работника милиции г. Кемерово Попова; Абрамушкин бритвой перерезал Попову сонную артерию, после чего они забрали у Попова из кобуры пистолет с восемью боевыми патронами и скрылись.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 9 апреля 1955 г., вынесенным по кассационным жалобам осужденных, приговор областного суда в части квалификации действий осужденных по ст. 59³ УК РСФСР был отменен и дело в этой части производством прекращено; в остальном приговор был оставлен в силе без изменения с оставлением наказания Абрамушкину в виде расстрела, а Юркину — 10 лет заключения в исправительно-трудовом лагере без поражения в правах и без конфискации имущества.

Коллегия без приведения каких-либо мотивов указала, что действия осужденных охватываются ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. и ст. 136 УК РСФСР и не содержат признаков ст. 59³ УК РСФСР.

Находя это определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР неправильным, Генеральный Прокурор СССР внес протест в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного суда СССР, определением которой от 8 июня 1955 г. протест был отклонен.

Коллегия указала, что в протесте отсутствует юридическое обоснование необходимости применения по данному делу ст. 59³ УК РСФСР, что Абрамушкин и Юркин не представляли собой устойчивой группы лиц, объединившейся для совершения преступлений, и что личности последних также не дают оснований усматривать в данном случае наличие банды.

В связи с этим Генеральный Прокурор СССР внес аналогичный протест в Пленум Верховного суда СССР, полагая необходимым отменить по данному делу определения Судебных коллегий по уголовным делам Верховного суда СССР и Верховного суда РСФСР и дело передать на новое кассационное рассмотрение.

Обсудив протест, Пленум находит, что оба указанных определения

подлежат отмене по следующим основаниям:

Как видно из материалов дела, Абрамушкин и Юркин, признавая себя виновными в убийстве, показали на предварительном следствии, что у них давно зародилась мысль о приобретении оружия с целью грабежей и краж, и они готовились к совершению преступлений. Затем они несколько изменили свои показания и заявили, что убили Попова и отняли оружие не с целью последующего совершения грабежей, а потому, что Абрамушкин хотел продемонстрировать свою силу.

При сопоставлении и оценке этих показаний следует учесть самый факт убийства милиционера с целью завладения его оружием, а также и то обстоятельство, что, как явствует из показаний подсудимых, прежде чем идти на совершение преступления, Юркин взял из общежития две бритвы, из которых одну передал Абрамушкину, а вторую взял себе.

Как Судебная коллегия Верховного суда РСФСР, так и Судебная коллегия Верховного суда СССР не учли и не дали обоснованной оценки этим фактическим обстоятельствам дела. Между тем, если признать установленным, что по предварительной договоренности осужденные совершили убийство работника милиции с целью завладения оружием для последующего совершения вооруженных нападений, то эти действия содержат признаки ст. 59³ УК РСФСР, поскольку эта статья предусматривает ответственность не только за участие в банде, но и за самый процесс организации вооруженных банд.

Вместе с тем Пленум находит, что бандитское нападение, сопряженное с убийством, не требует квалификации, помимо ст. 59³ УК РСФСР, также и по ст. 136 УК и что в этих случаях, если это необходимо, Указ от 30 апреля 1954 г. может применяться и при квалификации по ст. 59³ УК, как об этом, в частности, указано в постановлении Пленума

Верховного суда СССР от 21 мая 1954 г.

Ввиду всего изложенного Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 8 июня 1955 г. и определение Судебной коллегии по уго-

ловным делам Верховного суда РСФСР от 9 апреля 1955 г. в отношении Абрамушкина и Юркина отменить и дело о них передать на новое кассационное рассмотрение в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного суда РСФСР в ином составе.

2. В СЛУЧАЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ СЪЕМЩИКУ ДРУГОГО ПОМЕЩЕНИЯ ПРОЖИВАЮЩИЕ С НИМ ЧЛЕНЫ СЕМЬИ ОБЯЗАНЫ ОСВОБОДИТЬ ЗАНИМАЕМУЮ ЖИЛУЮ ПЛОЩАДЬ, ЕСЛИ ПРИ ВЫДАЧЕ ОРДЕРА ОНИ ВЫРАЗИЛИ ЖИЛИЩНЫМ ОРГАНАМ СВОЕ СОГЛАСИЕ ПЕРЕЕХАТЬ В ПРЕДОСТАВЛЯЕМОЕ ПОМЕЩЕНИЕ

Дело Слезова. Постановление Пленума от 19 августа 1955 г.

Слезов с женой и совершеннолетней дочерью занимал квартиру по Лужниковской улице.

В 1953 году по ходатайству Слезова ему была предоставлена квартира в доме по Гальяновской улице. В эту квартиру переселились Слезов и его дочь. Жена Слезова, Савельева, осталась проживать в квартире по Лужниковской улице.

Кировский райжилотдел предъявил иск к Савельевой о выселении на том основании, что она включена в ордер на квартиру по Гальяновской улице и до получения ордера выдала Мосжилотделу обязательство об освобождении жилой площади по Лужниковской улице.

6 апреля 1953 г. народный суд 4-го участка Кировского района г. Москвы в иске райжилотделу отказал по тем мотивам, что Слезов получил жилую площадь лично для себя и семья его права на эту площадь не имеет.

Решение это 24 апреля 1953 г. было отменено Московским городским судом.

При новом рассмотрении дела 19 мая 1953 г. народный суд 5-го участка Кировского района г. Москвы установил, что квартира по Гальяновской улице была предоставлена Слезову, его жене и дочери и что все они дали обязательство при по-

лучении новой жилой площади освободить квартиру по Лужниковской улице. По этим основаниям суд решил выселить Савельеву из квартиры по Лужниковской улице и вселить ее в квартиру по Гальяновской улице. Это решение было оставлено в силе определением Московского городского суда от 5 июня 1953 г.

По протесту Прокурора РСФСР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР 31 августа 1953 г. оставила в силе решение суда от 6 апреля 1953 г. об отказе райжилотделу в иске и отменила определение Московского городского суда от 24 апреля 1953 г. и решение народного суда от 19 мая 1953 г.

12 мая 1954 г. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отклонила протест Генерального Прокурора СССР по данному делу.

На основании фактических обстоятельств дела, установленных судом 19 мая 1953 г., Коллегия признала требование райжилотдела не основанным на законе, так как Савельева как член семьи имеет равное право на жилую площадь и переезжает мужа в ведомственный дом не лишает Савельеву права проживания на ранее занимаемой ею жилой площади. Тот факт, что Савельева включена в ордер, выданный Слезову,

не может служить основанием для принудительного выселения, поскольку предоставленная комната не обеспечивает санитарной нормы и предоставляется только на время работы Слезова. Коллегия также указала, что ссылка в протесте на то, что Савельева дала обязательство Мосжилотделу освободить ранее занимаемую ею площадь и поэтому она обязана переехать в ту комнату, где она включена в ордер, не основана на законе.

Соглашаясь с протестом Генерального Прокурора СССР, внесенным по настоящему делу в Пленум Верховного суда СССР, Пленум находит, что приведенные доводы Коллегии являются неправильными.

Жилая площадь по Гальяновской улице предоставлена Слезову по его просьбе в целях улучшения жилищных условий его семьи: вместо одной комнаты в общей квартире предоставлена отдельная квартира на первом этаже, причем это было сделано под условием освобождения занимаемой ранее жилой площади.

Каждый из членов семьи Слезова, несомненно, имеет равное право на

занимаемую жилую площадь, но, поскольку все они, будучи ознакомлены с предоставляемой жилой площадью и с условиями ее предоставления, выразили согласие переехать в квартиру по Гальяновской улице и освободить занимаемую жилую площадь по Лужниковской улице, о чем Мосжилотделу выдали письменное обязательство, следует признать, что последующий отказ Савельевой от переезда в новую квартиру является неправомерным, а исковые требования райжилотдела обоснованными.

Так как жилая площадь предоставлялась на семью в три человека и жена и дочь Слезова включены в ордер, они имеют одинаковые со Слезовым права на предоставленную жилую площадь.

Ввиду изложенного Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Оставить в силе решение народного суда 5-го участка Кировского района г. Москвы от 19 мая 1953 г. и определение Московского городского суда от 5 июня 1953 г., отменив все последующие судебные определения по делу.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. КАССАЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТМЕНЕНО, ТАК КАК ДЕЙСТВИЯ СВЯЗАННЫЕ С ПРИСВОЕНИЕМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА, НЕОСНОВАТЕЛЬНО КВАЛИФИЦИРОВАНЫ ПО СТ. 109 УК РСФСР.

*Дело Ивлевой. Определение Транспортной коллегии
от 20 июля 1955 г.*

По приговору Саратовского линейного транспортного суда Ивлева была осуждена по ст. 111 УК РСФСР и по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Московский окружной транспортный суд при рассмотрении кассационной жалобы Ивлевой приговор в части признания ее виновной по ст. 111 УК РСФСР отменил и дело в этой части производством прекратил, а в остальном приговор суда изменил: действия Ивлевой переквалифицировал со ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» на ст. 109 УК РСФСР.

Главный транспортный прокурор внес протест, в котором просит определение окружного транспортного суда в части переквалификации действий Ивлевой со ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. на ст. 109 УК РСФСР отменить и дело в этой части направить на новое кассационное рассмотрение.

Рассмотрев материалы дела, Транспортная коллегия установила: Ивлева признана виновной в том, что, работая продавцом в ларьке

столовой № 6 Красноармейского орса канала Волга-Дон, она за период с 18 ноября по 8 декабря 1954 г. неоднократно брала из ларька и присваивала государственные денежные средства и продукты питания. Всего ею было присвоено денежных средств и продуктов питания на сумму 1234 р. 49 к.

Кроме того, Ивлева не оприходовала полученные ею по двум накладным от 1 и 4 декабря 1954 г. хлебо-булочные изделия на сумму 521 р. 68 к.

Изменение квалификации преступных действий Ивлевой окружной транспортный суд мотивировал тем, что не доказан умысел, направленный на хищение государственного имущества, и что использование государственных средств на личные надобности было вызвано материальными затруднениями, возникшими в семье Ивлевых.

Неоприходование Ивлевой хлебо-булочных изделий, полученных по накладным от 1 и 4 декабря 1954 г., окружной транспортный суд расценил как одно из действий, относящихся к незаконному использованию Ивлевой в личных целях вверенных ей по службе ценностей.

Транспортная коллегия Верховного суда СССР находит, что протест Главного транспортного прокурора

подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Выводы окружного транспортного суда об отсутствии в действиях Ивлевой умысла на хищение государственного имущества нельзя признать обоснованными, ибо они построены только на объяснениях Ивлевой о ее намерении возместить стоимость взятых продуктов и возратить в кассу ларька израсходованные на личные нужды государственные денежные средства.

Между тем эти объяснения Ивлевой не подтверждаются объективными данными дела и находятся в противоречии с ее же показаниями по поводу неоприходования полученных 1 и 4 декабря 1954 г. хлебо-булочных изделий на сумму 521 р. 68 к. Ивлева заявила, что, укрывая поступление этого товара, преследовала цель частично покрыть недостачу, образовавшуюся у нее в результате изъятия денег и товаров.

Показания Ивлевой о том, что она намерена была в короткий срок возместить недостачу, неубедительны, так как стоимость изъятых Ивлевой государственных ценностей намного превышает размер получаемой ею месячной заработной платы.

2. ПРИМЕНЕНИЕ УКАЗА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОТ 10 ЯНВАРЯ 1955 Г. «ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МЕЛКОЕ ХИЩЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА»

Дело Евсеева. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 23 июля 1955 г.

По приговору народного суда 4-го участка Свердловского района г. Ленинграда от 17 декабря 1954 г. Евсеев был осужден по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Определением судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского городского суда от 6 января 1955 г. приговор оставлен в силе.

При таком положении указание в определении окружного суда об отсутствии в действиях Ивлевой умысла на хищение является необоснованным.

Не могло служить основанием для изменения квалификации действий Ивлевой и то, что преступные действия были связаны с временными материальными затруднениями в семье.

Эти обстоятельства суд должен был учесть при определении наказания. В частности, в силу ст. 48 УК РСФСР они могли послужить основанием для постановки вопроса о назначении Ивлевой наказания, не связанного с лишением свободы.

В силу изложенного Транспортная коллегия Верховного суда СССР определила:

Определение Московского окружного транспортного суда в части переквалификации действий Ивлевой со ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» на ст. 109 УК РСФСР отменить и дело направить на новое кассационное рассмотрение в Ленинградский окружной транспортный суд.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, в котором ставится вопрос о переквалификации действий Евсеева со ст. 1 Указа от 4 июня 1947 г. на ч. 1 Указа от 10 января 1955 г. «Об уголовной ответственности за мелкое хищение государственного и общественного имущества», Судебная коллегия по уголовным делам установила:

Евсеев признан виновным в том, что он 13 ноября 1954 г. с завода имени Радищева, на котором ра-

ботал подсобным рабочим, совершил хищение кожаной подошвы в сыром виде, стоимость которой составляет 222 р. 66 к.

Вина Евсеева доказана как его собственным признанием, так и показаниями свидетелей Хакимова, Кильп и Семенова, в присутствии которых у Евсеева при задержании его в проходной будке завода была изъята похищенная кожа.

Учитывая, однако, стоимость и размер похищенного, преступление, совершенное Евсеевым, следует рассматривать как мелкое хищение, и действия его надлежит квалифицировать по ч. 1 Указа от 10 января 1955 г. «Об уголовной ответственности за мелкое хищение государственного и общественного имущества».

На основании изложенного и соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда 4-го участка Свердловского района г. Ленинграда от 17 декабря 1954 г. и определение Ленинградского городского суда от 6 января 1955 г. в отношении Евсеева изменить: преступление его со ст. 1 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» переклассифицировать на ч. 1 Указа от 10 января 1955 г. «Об уголовной ответственности за мелкое хищение государственного и общественного имущества».

3. НЕОБОСНОВАННОЕ ПРИМЕНЕНИЕ УКАЗА ОТ 10 ЯНВАРЯ 1955 Г.

Дело Щипковой. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 31 августа 1955 г.

По приговору народного суда 3-го участка г. Петрозаводска от 6 апреля 1955 г. Щипкова была осуждена по ч. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1955 г. «Об уголовной ответственности за мелкое хищение государственного и общественного имущества» к лишению свободы сроком на два года без поражения в правах, со взысканием в пользу промтехснаба промсовета Карело-Финской ССР 1849 руб.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Карело-Финской ССР от 28 апреля 1955 г. приговор изменен, к Щипковой применена ст. 53 УК РСФСР и мера наказания, назначенная судом в виде двух лет лишения свободы, определена условно с испытательным сроком в течение двух лет.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, полагающего необходимым отменить приговор и определение и вернуть дело на но-

вое рассмотрение со стадии предварительного следствия, Судебная коллегия по уголовным делам установила:

Щипкова признана виновной в том, что она, работая заведующей складом промтехснаба с июня 1953 г. по декабрь 1954 г., систематически занималась хищением со склада кожматериалов. Из похищенного материала она отдавала шить обувь, оплачивая работу сапожников похищенным со склада кожтоваром. Всего Щипковой было похищено кожматериалов на сумму 1849 руб.

Судебная коллегия Верховного суда СССР находит, что, если признать доказанной виновность Щипковой в хищении со склада кожевенных товаров на сумму 1849 руб., действия ее, учитывая размер хищения, надлежало квалифицировать по Указу от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», а не по Указу от 10 января

1955 г. «Об уголовной ответственности за мелкое хищение государственного и общественного имущества».

Ввиду изложенного и принимая во внимание, что Щипковой в стадии предварительного следствия не было предъявлено обвинение по упомянутому Указу от 4 июня 1947 г., Судебная коллегия по уголовным де-

лам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда 3-го участка г. Петрозаводска от 6 апреля 1955 г. и определение Верховного суда Карело-Финской ССР от 28 апреля 1955 г. в отношении Щипковой отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

4. НЕПРАВИЛЬНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ В ОТНОШЕНИИ ПОДСУДИМЫХ, ПРИЗНАННЫХ ВИНОВНЫМИ В СПЕКУЛЯЦИИ

Дело Петухова и других. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 15 июля 1955 г.

[Извлечение]

По приговору народного суда 4-го участка Шербаковского района г. Москвы, оставленному в силе Московским городским судом, Петухов, Горбунов, Зеленчев и Шакиров были осуждены по ст. 107 УК РСФСР.

Приговором и материалами дела установлено, что Шакиров, вступив в преступную связь с неустановленным следствием и судом работником магазина «Главэлектросвязьсбыт», получал от него чеки и талоны на покупку телевизоров и с помощью Петухова, Горбунова и Зеленчева сбывал эти чеки и талоны по 150—300 руб. за каждый. Вырученные таким путем деньги делились между указанными лицами. За период с августа 1953 года по январь 1954 года только через Зеленчева было реализовано 25 чеков и талонов. Петухов и Горбунов в день продажи телевизоров сбывали по три-четыре чека и талона.

Президиум Московского городского суда действия Петухова, Горбунова, Зеленчева и Шакирова пере-квалифицировал со ст. 107 на ч. 1 ст. 105 УК РСФСР и снизил им наказание.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Коллегия нашла, что постановление президиума Московского городского суда

подлежит отмене по следующим основаниям:

Изменяя квалификацию преступления, президиум Московского городского суда указал, «что в деле нет данных о перепродаже осужденными товаров массового потребления, а установлено, что они перепродавали чеки и талоны на продажу телевизоров. Чеки и талоны не являются предметами массового потребления, и поэтому действия виновных не могут быть квалифицированы как спекуляция».

Эти мотивы нельзя признать состоятельными.

Из материалов дела видно, что в данном случае действовала группа лиц в составе Зеленчева, Шакирова, Петухова и Горбунова, которые с целью наживы систематически продавали талоны и чеки на покупку в магазине телевизоров. Таким образом, телевизоры фактически приобретались потребителями по значительно повышенным ценам.

При этих обстоятельствах действия осужденных, направленные к извлечению прибыли путем перепродажи чеков и тем самым повышению фактической стоимости телевизоров, были правильно квалифицированы как спекуляция по ст. 107 УК РСФСР.

5. ОБВИНЕНИЕ В ХАЛАТНОСТИ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПРИЗНАНО ПРАВИЛЬНЫМ, ЕСЛИ ОНО ОСНОВАНО ЛИШЬ НА ФАКТЕ НАСТУПЛЕНИЯ ТЯЖЕЛЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ПРИ ОТСУТСТВИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ О НЕБРЕЖНОМ ИЛИ НЕДОБРОСОВЕДНОМ ОТНОШЕНИИ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА К ВОЗЛОЖЕННЫМ НА НЕГО ПО СЛУЖБЕ ОБЯЗАННОСТЯМ

Дело Антонян. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 22 июня 1955 г.

По приговору народного суда Кировского района г. Еревана Антонян осуждена по ст. 137 УК Армянской ССР (халатность).

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Армянской ССР приговор народного суда в части квалификации действий Антонян оставлен в силе.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, в котором ставится вопрос об отмене приговора и определения и о прекращении дела производством, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Как видно из приговора суда, Антонян, работая в клиническом родильном доме врачом-гинекологом, 10 июня 1954 г. во время дежурства в 6 час. 15 мин. обнаружила, что у роженицы Осиповой после родов началось кровотечение, поставила диагноз — «атоническое кровотечение» и приняла ряд мер для приостановления кровотечения. Несмотря на то, что принятые меры результата не дали и состояние больной ухудшалось, Антонян своевременно не вызвала специалистов — заведующего отделом Товмасына и зав. клиникой доцента Саядяна, в результате чего состояние больной крайне ухудшилось, и в 9 час. 15 мин. она скончалась.

Приговор народного суда и определение Верховного суда Армянской ССР по делу Антонян подлежат отмене, а дело прекращению производством по следующим основаниям:

Как установлено материалами дела, Антонян, обнаружив, что у Осиповой открылось кровотечение, поставила диагноз «атоническое кровотечение» и приняла в соответствии с диагнозом все необходимые меры

для оказания помощи Осиповой, не отходя от больной в течение 40 мин.

Поскольку, несмотря на принятые ею меры, состояние больной ухудшалось, Антонян позвонила по телефону и вызвала к больной заведующего отделом Товмасына и доцента Саядяна. Последние, обследовав Осипову, согласились с диагнозом, поставленным Антонян, и продолжали оказывать помощь в соответствии с этим диагнозом.

Из показаний Товмасына и Саядяна явствует, что Антонян приняла все необходимые меры в соответствии с поставленным диагнозом, но спасти Осипову не удалось, так как диагноз был поставлен неправильно. Из их же показаний видно, что причиной смерти Осиповой послужил внутренний разрыв матки, о чем им стало известно лишь при вскрытии трупа.

Установлено также, что заведующий клиникой Саядян, имеющий стаж работы по специальности более 25 лет, осмотрев больную, также не мог установить причину кровотечения и согласился с диагнозом, поставленным Антонян.

Из заключения судебно-медицинского эксперта Айдиняна видно, что Антонян приняла все необходимые меры по оказанию помощи Осиповой в соответствии с поставленным ею диагнозом. Поэтому Коллегия считает, что здесь имела место ошибка в постановке диагноза, которая в данном случае не может рассматриваться как результат халатного отношения к своим служебным обязанностям со стороны Антонян, тем более, что, как видно из материалов дела, Антонян — молодой врач и имеет небольшой стаж работы.

При таких обстоятельствах Коллегия находит, что Антонян осуждена неправильно.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом, определила:

Приговор народного суда Кировского района г. Еревана и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Армянской ССР в отношении Антонян отменить и дело производством прекратить.

6. БУХГАЛТЕРСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПРИЗНАНА ПОЛНОЦЕННОЙ, ЕСЛИ ОНА НЕКРИТИЧЕСКИ ВОСПРОИЗВОДИТ ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ВЫВОДЫ ВЕДОМСТВЕННЫХ РЕВИЗИИ

Дело Барыктабасева. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 23 июня 1955 г.

[Извлечение]

По приговору Иссык-Кульского областного суда Барыктабасев осужден по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Вместе с тем суд постановил взыскать с осужденного 68 655 р. 40 к. в пользу Саруйского сельпо.

Определением Верховного суда Киргизской ССР приговор оставлен в силе.

Протест Председателя Верховного суда СССР внесен на предмет отмены приговора и определения.

Судебная коллегия по уголовным делам установила:

Барыктабасев признан виновным в том, что он, работая с 1 июля 1952 г. по 1 апреля 1953 г. заведующим складом Саруйского сельпо, систематически занимался расхищением и разбазариванием товаро-материальных ценностей.

Так, при инвентаризации склада на 1 апреля 1953 г. Барыктабасев взял лично для себя со склада бесплатно велосипед стоимостью 722 руб., плюша 9 м на сумму 382 руб., вельвета 31 м на сумму 1040 руб. Кроме того, за период своей работы он брал бесплатно со склада для себя муку и другие продукты.

В результате всего указанного произведенной ревизией на 1 апреля 1953 г. у Барыктабасева установле-

на недостача товаро-материальных ценностей на сумму 65 349 р. 49 к.

Кроме того, Барыктабасев не считался в подотчетных суммах на 2641 руб. и незаконно получил в счет заработной платы 664 р. 91 к. Всего, таким образом, Барыктабасев своими действиями причинил ущерб сельпо в сумме 68 655 р. 40 к.

Приговор и определение подлежат отмене, а дело направлению на дополнительное расследование по следующим основаниям:

Как видно из обвинительного заключения и приговора, органы следствия и суд в подтверждение обвинения Барыктабасева в хищении товаро-материальных ценностей на сумму 65 349 р. 49 к. сослались на то, что он при инвентаризации склада в присутствии членов комиссии взял велосипед стоимостью 722 руб. и другие товары на сумму 1422 руб. Однако правильность выводов органов следствия и суда как о размере недостачи, так и о причинах ее образования вызывают сомнения.

По делу произведены две бухгалтерские ревизии и одна бухгалтерская экспертиза, причем каждая из них пришла к различным выводам. Так, первой ревизией от 24 апреля 1953 г. за период работы Барыктабасева с 1 июля 1952 г. по 15 марта 1953 г. установлена недостача товаро-материальных ценностей по складу на сумму 81 361 р. 44 к. Между тем из другого акта от 27 апреля

1953 г., приобщенного к делу, видно, что бухгалтерией сельпо ошибочно дважды оприходовано поступление товаров на склад на общую сумму 34 245 руб. и не оприходовано товаров на 15 166 р. 10 к., в связи с чем из недостающей у Барыктабасева суммы списано 34 245 руб. и отнесено ему в начет 15 616 руб. излишка.

Этот факт свидетельствует о том, что первая бухгалтерская ревизия произведена поверхностно, без анализа всех приходо-расходных документов бухгалтерии сельпо.

После первого направления дела на дополнительное расследование была вторично произведена бухгалтерская ревизия, которая установила недостачу товаро-материальных ценностей по складу на сумму 104 359 руб.

Необходимо отметить, что как первая, так и вторая ведомственные ревизии произведены бухгалтерами райпотребсоюза Закревским и Каратаевой, вследствие чего они при производстве вторичной ревизии могли не дать объективной оценки своим же выводам по первой ревизии, которые оспаривались обвиняемым.

Осужденный Барыктабасев в своих показаниях и жалобах указывает, что он не присутствовал до конца бухгалтерской ревизии, так как до окончания ревизии заболел и находился в больнице. Акт он подписал в больнице по предложению бухгалтера сельпо.

Это объяснение осужденного подтверждается тем, что акт бухгалтерской ревизии был составлен 20 мая 1953 г., тогда как Барыктабасев, как это указано в справке заведующего

больницей, находился в больнице с 5 мая по 21 мая 1953 г.

В деле имеется заключение эксперта от 30 июля 1953 г., в котором размер недостачи товаро-материальных ценностей по складу Барыктабасева был установлен в 68 655 руб.

Однако из заключения бухгалтера-эксперта видно, что при производстве проверки, исключив отдельные спорные суммы из общей недостачи — 104 359 руб., он свой вывод об окончательной недостаче товаров у Барыктабасева построил на последнем акте ведомственной ревизии без глубокого анализа первичных приходо-расходных документов бухгалтерии, без оценки правильности и объективности произведенной ранее бухгалтерской ведомственной ревизии.

Противоречивые выводы ведомственной ревизии и вывод бухгалтера-эксперта, оспариваемые обвиняемым, подлежат проверке путем назначения глубокой бухгалтерской экспертизы с целью установления точной суммы недостачи товаро-материальных ценностей по складу сельпо, которым заведовал Барыктабасев. Установив размер недостачи, органам следствия и суду надлежит выяснить причину образования недостачи.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по уголовным делам, соглашаясь с протестом, определила:

Приговор Иссык-Кульского областного суда и определение Верховного суда Киргизской ССР в отношении Барыктабасева отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

7. ОПРАВДАТЕЛЬНЫЙ ПРИГОВОР ОТМЕНЕН, ТАК КАК СУД НЕОБОСНОВАННО ОТВЕРГ РЯД ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ПОЛЬЗУ ОБВИНЕНИЯ

Дело Сапанова и других. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 27 августа 1955 г.

По приговору Верховного суда Киргизской ССР от 26 апреля 1955 г. Сапанов, Степайкин, Сундукова и Алышев были оправданы в предъявленном им обвинении по ст. 2

Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и Алыкбаев осуж-

ден по ст. 2 вышеназванного Указа с применением ст. 51 УК РСФСР на один год лишения свободы.

Протест Генеральным Прокурором СССР внесен на предмет отмены приговора.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Директор госмельницы в г. Фрунзе Сапанов, технорук мельницы Алыкбаев, лаборантка Сундукова и заведующий складом мельницы Степайкин были преданы суду по обвинению в том, что они, войдя в преступную связь между собой, с целью хищения зернопродуктов при помощи лаборантки Сундуковой в 1953—1954 гг. систематически завышали процент влажности и сорности зерна, поступающего из Кантского и Кагановичского пунктов «Заготзерно», и таким путем создавали излишки зерна. Хищение этих излишков осуществлялось указанными выше лицами. Реализацией похищенного занимался Алышев, работавший сторожем аптекоуправления.

Так, в обвинительном заключении указаны следующие факты хищений:

17 ноября 1953 г. была выписана фиктивная квитанция № 13 944 о том, что якобы гр-ном Баталиевым было сдано на мельницу 3976 кг пшеницы для замены на муку. Фактически Баталиев зерна на мельницу не сдавал, а по этому фиктивному документу было получено и вывезено с госмельницы 18 ноября 1953 г. участником преступной группы Алышевым муки 72-процентной 2402 кг и отрубей 823 кг, причем вывоз был произведен на машине ГАЗ-УЖ № 50-16, принадлежащей автобазе Совхозтранса, шофером которой работал Тугужеков.

Аналогичным путем 11 декабря 1953 г. были оформлены фиктивные документы, по которым гр-ном Омировым якобы было сдано на мельницу для замены на муку пшеницы

4051 кг, причем заведующим складом Степайкиным была выписана помольная квитанция от 11 декабря 1953 г. за № 14617 о приеме зерна, тогда как фактически пшеница не завозилась и Омировым не сдавалась. Свидетель Омиров Изат показал, что документы на его имя о завозе зерна были оформлены Алышевым, хотя зерно им не сдавалось. По указанной фиктивной помольной квитанции было вывезено с мельницы и реализовано Алышевым на рынке с. Кант: муки 72-процентной—1811 кг, 85-процентной—765 кг и отрубей—725 кг.

По просьбе Алышева в погрузке муки и реализации ее на рынке с. Кант принимали участие гр-не Комеков и Омиров, причем вывоз муки и отрубей с мельницы был произведен на машине ЗИС-50 ЦЖ № 39-34, принадлежащей Краснореченской автороте, шофером которой являлся Трусов.

В связи с уходом директора мельницы Сапанова в отпуск и по его предложению технорук Алыкбаев и заведующий складом Степайкин 16 декабря 1953 г. оформили фиктивную помольную квитанцию за № 14698, в которой было указано, что якобы гр-ном Садабаевым для замены на муку завезено 751 кг пшеницы. По этому фиктивному документу Алышевым было вывезено и реализовано на рынке муки первого сорта 453,6 кг и отрубей 155 кг. Из вырученных денег Алышев лично передал Сапанову 900 руб. Фактически же Садабаевым пшеница на мельницу не завозилась.

Разрешение на производство замены пшеницы на муку на 3276 кг было оформлено директором Сапановым, а на 4051 кг и 751 кг технорук Алыкбаевым, причем лаборантка Сундукова являлась участницей преступной группы, выписывала фиктивные анализы на якобы сданное зерно по этим трем фиктивным помольным квитанциям, тогда как зерно по ним не завозилось и анализов не производилось.

Помимо перечисленных трех фактов хищения зернопродуктов, по распоряжению технорука Алыкбаева инженером треста, осужденным по данному делу Яковлевым в ноябре 1953 года было вывезено с мельницы без оформления документов на принадлежащей ему машине «Москвич» два мешка отрубей, а также от заведующего складом Степайкина получено и вывезено два мешка 72-процентной муки.

Алыкбаев за отпуск зернопродуктов Яковлеву судом признан виновным и осужден по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г., а по остальным эпизодам обвинения наряду с другими обвиняемыми по делу оправдан.

Приговор в отношении Сапанова, Степайкина, Сундуковой, Алышева и Алыкбаева подлежит отмене по следующим основаниям:

Суд в опровержение выводов обвинительного заключения и указанных в нем доказательств, на которых было основано обвинение Сапанова, Степайкина, Сундуковой, Алышева и Алыкбаева, в приговоре привел следующие мотивы:

1. Органами следствия не установлен источник хищения, так как технологическая экспертиза утверждает, что по всем проверенным документам нарушений, способствующих созданию резерва зерна и продукции для последующего хищения, на мельнице не имелось.

2. Предъявленное подсудимым обвинение в том, что они реализовали муку путем фабрикации трех помольных квитанций на прием зерна, не доказано с достаточной полнотой, так как не исключена возможность оформления документов на обмен зерна на вымышленные фамилии, поскольку при приеме зерна на мельницу предъявления документов от сдатчиков не требовалось.

3. Не может быть признано бесспорным доказательством и то обстоятельство, что номера автомашин, на которых вывозилось зерно, являются вымышленными, так как

работниками охраны мельницы серия машин не записывалась, а записывались лишь номера, почему не исключена возможность завоза зерна на автомашинах из других областей и республик.

4. Хищение муки с мельницы без участия работников охраны невозможно, а преступной связи с ними по делу не установлено.

5. Не могут быть положены в основу обвинения подсудимых показания свидетелей Комякова и Омирова, подтверждающих факт вывоза муки с мельницы и ее реализации, так как не исключена возможность, что Комяков совместно с Омировым завозили на мельницу свое зерно для обмена на муку.

6. Алышев вместе с Комяковым и другими вывозить с мельницы и продавать муку не мог, так как в это время он находился на работе, что подтверждается приобщенным к делу графиком его рабочих дней.

7. Признание обвиняемыми на предварительном следствии своей вины в хищении муки не может считаться доказательством, поскольку они на судебном заседании отказались от своих прежних показаний.

Мотивы, изложенные в приговоре, судом приведены без тщательного исследования и анализа обстоятельств дела, а вывод о недоказанности обвинения подсудимых сделан без критической проверки и оценки доказательств, добытых в процессе предварительного следствия, на которых было основано их обвинение.

Указание суда на то, что органами следствия не установлен источник хищения, противоречит заключениям бухгалтерской и технологической экспертиз, из которых видно, что на госмельнице действительно был большой излишек зерна. Однако вывод технологической экспертизы о том, что умышленное завышение влажности и сортности лабораторией госмельницы не имело места, не давал суду оснований считать,

что по делу не установлен источник хищения, поскольку экспертиза, установившая наличие излишков, указала на отсутствие умысла у материально-ответственных лиц, направленного на образование излишка.

Суду надлежало проверить обоснованность такого указания экспертизы, которое к тому же не входит в ее функции, и насколько совпадает оно с другими доказательствами, добытыми предварительным следствием, так как такой вывод экспертизы расходится с некоторыми материалами дела.

Так, один из обвиняемых по данному делу — технорук мельницы Алыкбаев при рассмотрении дела Фрунзенским областным судом, подробно поясняя обстоятельства, при которых было совершено хищение муки, утверждал, что излишки для хищения продукции создавались за счет завышения лабораторией процента влажности зерна при анализах.

Как из материалов предварительного следствия, так и из протокола судебного заседания видно, что за период работы обвиняемых имели место и отпуск зернопродуктов со склада другим гражданам и неоднократные вывозы муки с мельницы без отражения в соответствующих расходных документах.

При таких данных выводы, сделанные органами следствия о том, что без умышленного образования излишков зерна не могли быть отпущены зернопродукты другим лицам без оформления документами, не лишен оснований.

Суд в приговоре не привел доказательств, опровергающих эти выводы органов следствия.

Не обоснованы материалами дела и выводы Верховного суда Киргизской ССР о недоказанности обвинения Сапанова, Алыкбаева, Степайкина, Сундуковой и Алышева в хищении и реализации муки путем фабрикации трех бестоварных помольных квитанций на прием 3976 кг, 4051 кг и 751 кг пшеницы для заме-

ны на муку от Баталиева, Омирова и Садабаева.

В процессе предварительного следствия обвиняемые Алыкбаев, Сундукова, Алышев и частично Сапанов дали обстоятельные показания о их сговоре и организованном хищении муки и ее реализации на рынке через сторожа аптекоуправления Алышева. Причем Алыкбаев свои показания, данные на предварительном следствии, полностью подтверждал и на судебных заседаниях при рассмотрении этого дела Фрунзенским областным судом 12 июня 1954 г. и Верховным судом Киргизской ССР 17—23 августа 1954 г.

Алышев, будучи задержан по данному делу 1 февраля 1954 г., на второй же день дал подробные показания о знакомстве с директором мельницы Сапановым, заведующим складом Степайкиным и техноруком Алыкбаевым, о получении от них муки и реализации ее на рынках с. Кант и г. Фрунзе. В этих же показаниях он назвал Омирова, на имя которого были оформлены фиктивные документы на мнимую сдачу на мельницу 4051 кг пшеницы в обмен на муку, и Комякова, помогавшего в погрузке и продаже похищенной муки.

Допрошенные в связи с этим в качестве свидетелей Омиров и Комяков, подтверждая показания Алышева, дали также подробные объяснения о том, при каких обстоятельствах их приглашал Алышев принять участие в вывозе муки с мельницы и ее продаже на рынке с. Кант. Омиров подтвердил, что у него была взята Алышевым колхозная книжка, на которую он и оформил вывоз муки, и что пшеницы он, Омиров, на мельницу не завозил.

Факт вывоза муки с мельницы подтвержден и показаниями шофера машины ЗИС—50 ЦЖ № 39—34 Краснореченской автороты Трусова.

Указание суда о том, что в показаниях этих свидетелей имеются

противоречия, в основном заключается в том, что свидетели в одном из своих показаний заявили, что муку они вывозили с мельницы на улицу Кузнечную, а в другом показании утверждали, что они вывозили муку в с. Кант.

Между тем на судебном заседании эти свидетели, подтверждая факт вывоза и продажи муки в с. Кант, причины таких противоречий объяснили тем, что работники милиции при допросе неточно записали их показания.

Эти объяснения свидетелей судом оставлены без внимания.

Утверждение суда о том, что Комков совместно с Омировым могли завозить свое зерно на мельницу для обмена на муку с целью личной выгоды, основано лишь на предположении, а не на материалах дела.

Из показаний работника охраны госмельницы Мухартова видно, что Степайкин и Алыкбаев в ряде случаев, приходя в проходную будку, направляли его в конюшню за лошадьми, а затем предлагали записать номера автомашин, которые якобы прошли с зерном к складу мельницы. При этих условиях утверждение суда о том, что хищение муки с мельницы без участия работников охраны невозможно, является неубедительным.

В приговоре указано, что не исключена возможность завоза зерна на автомашинах из других областей и республик. Это предположение суда не находит подтверждения в материалах дела.

Судом не принято во внимание и наличие доказательств по фабрикации документов на обмен пшеницы на муку 17 ноября 1953 г. (помольная квитанция №13944 на 3976 кг) и 16 декабря 1953 г. (помольная квитанция №14698 на 751 кг пшеницы).

Свидетель Боталиев, на имя которого была выписана квитанция №13944, завоз пшеницы на мельницу отрицает. Более того, на авто-

машине, номер которой указан в проходном журнале, не могли завезти пшеницу, так как с 6 ноября по 14 декабря 1953 г. эта машина находилась в разобранном виде на ремонте. Что касается вывоза муки по этой операции, то это подтверждено шофером Тугужековым, который работал на автомашине ГАЗ-УЖ № 50—16.

Свидетель Садабаев также не подтвердил факт завоза зерна для обмена 16 декабря 1953 г. и пояснил, что в документах поставлен фиктивный номер машины 40—45, так как такого номера в Госавтоинспекции не зарегистрировано.

Неубедительным является и утверждение суда о возможности оформления сдатчиками документов на завоз зерна по трем изложенным выше операциям на чужую фамилию, так как в процессе следствия были допрошены десятки лиц, сдавших зерно в обмен на муку, и не было установлено ни одного такого факта, чтобы документы оформлялись на вымышленные фамилии.

Объяснение Алышева о том, что он не мог вывозить муку в с. Кант потому, что в эти дни дежурил в аптекоуправлении, и в подтверждение этого ссылака суда на график дежурств несостоятельны. О нахождении Алышева на работе можно было установить по журналу приема и сдачи дежурств. При изъятии и осмотре этого журнала было установлено, что листы журнала за ноябрь и декабрь 1953 года оказались вырванными, в чем мог быть заинтересован Алышев.

Заявление Алыкбаева на последнем судебном процессе о том, что он давал на предыдущих двух судебных процессах показания, признав себя виновным по уговору защищавшего его адвоката, лишено основания и является неубедительным.

Суд недостаточно глубоко исследовал объяснения Сапанова и Сундуковой о причинах, в силу которых они якобы были вынуждены дать

неправильные показания органам предварительного следствия.

При новом рассмотрении дела суду надлежит тщательно проанализировать и критически проверить показания, данные обвиняемыми как на предварительном следствии, так и на судебных заседаниях путем сопоставления с другими доказательствами, добытыми на предварительном следствии.

Вместе с тем следует отметить, что суд, оправдав Степайкина по эпизоду отпуска с госмелиницы без оформления документов бесплатно двух мешков муки Яковлеву, в приговоре не привел мотивов, опровергающих это обвинение подсудимого.

В отпуске этих двух мешков муки судом признан виновным технорук Алыкбаев, в то время как в деле имеются не опровергнутые судом доказательства того, что он только

был в курсе этой операции, а фактически распоряжение о погрузке в автомашину «Москвич» двух мешков муки было дано Степайкиным, что подтверждено показаниями грузчика Стурова.

Если суд пришел к выводу, что виновность Степайкина по этому эпизоду не доказана, то приговор должен содержать в себе изложение обоснованных материалами дела доводов.

Исходя из вышеизложенного, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом, определила:

Приговор Верховного суда Киргизской ССР от 26 апреля 1955 г. в отношении Сапанова, Степайкина, Сундуковой, Алышева и Алыкбаева отменить и дело о них направить на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства в тот же суд, но в ином составе судей.

8. ПРИГОВОР НЕ МОЖЕТ СЧИТАТЬСЯ ОБОСНОВАННЫМ, ЕСЛИ НЕ УЧТЕНЫ УСТАНОВЛЕННЫЕ ПО ДЕЛУ ФАКТЫ, ОПРОВЕРГАЮЩИЕ ПРИНЯТУЮ СУДОМ ВЕРСИЮ

I

*Дело Гвимрадзе. Определение Судебной коллегии
по уголовным делам от 28 февраля 1955 г.*

По приговору народного суда 1-го участка Телавского района Гвимрадзе был осужден по п. «в» ч. 1 ст. 58¹⁷ УК Грузинской ССР.

Определением Верховного суда Грузинской ССР приговор оставлен в силе.

Гвимрадзе признан виновным в том, что, работая водителем грузовой автомашины, принадлежащей тресту, он в г. Телави на улице Ниношвили, следуя с превышенной скоростью, наехал на семилетнего мальчика Оманидзе, который от полученных повреждений на месте скончался.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Коллегия

нашла, что приговор народного суда и определение Верховного суда Грузинской ССР в отношении Гвимрадзе подлежат отмене, а дело — прекращено производством по следующим основаниям:

Гвимрадзе, допрошенный на предварительном следствии и на суде, виновным себя не признал и показал, что в момент происшествия на улице Ниношвили он вел автомашину со скоростью не более 10—12 км в час. Это же подтвердили допрошенные по делу свидетели-очевидцы Китиашвили, Далакишвили и Иобашвили, находившиеся в машине.

О том, что машина следовала не

с превышенной скоростью, свидетельствует и тот факт, что, услышав крики, Гвимрадзе остановил машину на расстоянии 1—1,5 м от трупa ребенка. Между тем, если бы Гвимрадзе следовал на большой скорости, то он бы не мог затормозить и остановить машину на таком небольшом расстоянии.

Из акта о дорожном происшествии и показаний свидетелей видно, что ребенок попал под задние колеса автомашины с правой стороны в тот момент, когда Гвимрадзе, объезжал грузовую автомашину, стоявшую у края дороги. Ребенок выбежал из-за стоявшей грузовой автомашины и пытался перебежать на левую сторону улицы.

Свидетельница Китиашвили, которая находилась вместе с водителем Гвимрадзе в кабине, показала, что шофер видеть ребенка не мог и что она, выглянув случайно из окна кабины автомашины, видела, как ребенок выбежал с правой стороны и попал под задние колеса.

Свидетели Иобашвили и Далакишвили, сидевшие в кузове автомашины спиной к кабине, также показали, что они видели, как ребенок

попал под правые задние колеса автомашины.

Из протокола осмотра автомашины, составленного автоинспектором Мчехровым, видно, что автомашина в момент происшествия была технически исправна, передние колеса никаких признаков наезда не имеют. На задних же колесах и дифференциале обнаружены брызги крови. Это обстоятельство также свидетельствует, что ребенок попал под задние колеса автомашины и шофер не видел и не мог его видеть, так как передняя часть автомашины уже проехала стоявшую грузовую машину, из-за которой выбежал ребенок.

Находя по изложенным соображениям обвинительный приговор необоснованным, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда 1-го участка Телавского района и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР в отношении Гвимрадзе отменить и дело производством прекратить.

II

*Дело Михельсона, Быстровой и других.
Определение Судебной коллегии по уголовным делам
от 11 мая 1955 г.*

По приговору народного суда 1-го участка г. Нелидово, оставленному в силе определением судебной коллегии по уголовным делам Великолукского областного суда, Михельсон, Быстрова, Чумарова и Никитенков были осуждены — первый по ст. 109 УК РСФСР и ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» по совокупности, остальные по ст. 2 названного Указа и Шмаргунова — по ст. 17 УК РСФСР и ст. 2 этого Указа.

Михельсон, работавший начальником, Быстрова — старшим бухгалтером, Чумарева — кассиром, Никитенков — бригадиром Нелидовского строительного участка, признаны виновными в том, что, войдя между собой в преступную связь, они в 1953—1954 гг. занимались хищением государственных средств путем фабрикации документов, нарядов, ведомостей на выплату заработной платы рабочим и присвоили 21 082 руб. государственных денег.

Шмаргунова признана виновной в том, что она, будучи родственни-

цей Быстровой, способствовала ей, а также Михельсону и Чумаровой в присвоении 1479 р. 60 к., за которые расписалась в ведомости как мастер, хотя в стройучастке не работала.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Коллегия нашла, что приговор подлежит отмене, так как судебное следствие проведено поверхностно и многие доводы подсудимых не были учтены судом.

Так, Михельсон объяснил, что смета на ремонт экскаватора была значительно занижена. В связи с этим ему пришлось затратить значительно больше средств на ремонт экскаватора, который завод отказался принять в ремонт.

Это обстоятельство подтвердил технический эксперт, заключение которого суд игнорировал, сославшись только на бухгалтерские документы. О том, что смета занижена, показал также и свидетель Антипин.

При таких обстоятельствах суду надлежало установить, какой ремонт требовался для экскаватора, кто ремонтировал его, и при этом установить, какой ущерб был причинен участку.

Между тем суд вместо назначения по делу экспертизы отклонил ходатайство защиты, ссылаясь на то, что суду все ясно и что нет сомнений в том, что Михельсон, Быстрова и Никитенков похитили 11 440 р. 77 к. Таким образом, суд до вынесения приговора предрешил ответ на вопрос о виновности подсудимых.

В достаточной степени не исследован также вопрос о наличии состава преступления, предусмотренного Указом от 4 июня 1947 г., в действиях Михельсона, связанных с незаконным получением в подотчет 4627 руб.

Кроме того, суд указал в приговоре о сговоре между Михельсоном, Быстровой, Чумаровой и Никитенковым на совершение хищений, но никаких доказательств в подтверждение этого не привел.

Учитывая все эти обстоятельства, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда 1-го участка г. Нелидово и определение Великолукского областного суда отменить и дело по обвинению Михельсона, Быстровой, Чумаровой, Никитенкова и Шмаргуновой передать на новое судебное рассмотрение.

**9. ПРИЗНАНИЕ ОБВИНЯЕМОГО НЕ ОСВОБОЖДАЕТ ОРГАНЫ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И СУД ОТ ОБЯЗАННОСТИ ТЩАТЕЛЬНО
ИССЛЕДОВАТЬ ВСЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА, ИМЕЮЩИЕ ЗНАЧЕНИЕ
ПРИ РЕШЕНИИ ВОПРОСА О ДОКАЗАННОСТИ ПРЕДЪЯВЛЕННОГО
ОБВИНЕНИЯ**

*Дело Жидких. Определение Судебной коллегии
по уголовным делам от 3 сентября 1955 г.*

По приговору Свердловского областного суда от 10 июня 1955 г. Жидких осужден по пп. «а» и «в» ч. 1 ст. 136 УК РСФСР с применением Указа Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1954 г.

«Об уголовной ответственности за умышленное убийство» к высшей мере наказания — расстрелу.

Верховный суд РСФСР, рассмотрев кассационную жалобу Жидких, приговор оставил в силе.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, в котором ставился вопрос об отмене приговора Свердловского областного суда и определения Верховного суда РСФСР и направлении дела в отношении Жидких на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия, Судебная коллегия по уголовным делам установила:

Жидких признан виновным в том, что он 27 марта 1955 г. вечером в г. Полевском на почве мести совершил убийство Чистяковой А. П., а затем, расчленив труп на две части, одну часть положил в ящик и оставил в сарае, а вторую — отвез и бросил на лед городского пруда.

Приговор Свердловского областного суда и определение Верховного суда РСФСР подлежат отмене по следующим основаниям:

Суд признал установленным, что Жидких убил Чистякову на почве мести, вызванной тем, что Чистякова сообщила органам милиции о кражах, совершенных братом осужденного, в связи с чем тот и был подвергнут аресту.

Жидких на предварительном следствии виновным себя признал, а также не отрицал вины и на суде, но о причине убийства Чистяковой он никаких показаний суду не дал.

Как установлено по делу, при совершении убийства Чистяковой свидетелей не было, и все выводы об обстоятельствах, связанных с убийством Чистяковой и с его мотивами, сделаны по существу только на основе показаний Жидких, которые к тому же в некоторых своих частях вызывают серьезные сомнения.

При таком положении одного лишь заявления Жидких на суде, что он виновным себя признает, без глубокой проверки причины убийства и устранения имеющихся в показаниях обвиняемого пробелов недостаточно для признания его вины доказанной.

Органами предварительного следствия и судом не был проверен ряд обстоятельств, имеющих по делу весьма существенное значение.

В приговоре судом указано, что «убийство он, то есть Жидких, совершил, желая отомстить за то, что Чистякова донесла органам милиции о тех кражах, которые совершались его братом».

Из показаний осужденного Жидких, данных им на предварительном следствии, вытекает, что он мстил Чистяковой за арест своего брата Виктора. На некоторых же допросах он говорит уже о другом брате — Виталии.

Жидких Н. Е. — мать осужденного показала, что у нее четыре сына: Борис, Юрий, Виталий и Владимир. О том, что у нее есть еще пятый сын — Виктор, Жидких Н. Е. в своих показаниях не упоминала.

Что касается показаний Жидких о том, что он мстил за своего брата Виталия, то допрошенный Жидких Виталий опроверг эти показания осужденного, пояснив, что он с убитой Чистяковой находился в хороших отношениях и что он, Виталий, о совершенных кражах никогда Чистяковой не рассказывал, и она о кражах ничего не могла знать.

Вопрос о том, было ли сделано Чистяковой какое-либо заявление органам милиции о кражах Жидких, органами следствия надлежало проверен не был. Ссылка в приговоре, что Жидких в прошлом неоднократно судим, ничем не подтверждена.

Исходя из изложенного, Судебная коллегия по уголовным делам определила:

Приговор Свердловского областного суда и определение Верховного суда РСФСР в отношении Жидких Ю. М. отменить и дело о нем передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

**10. ПРИГОВОР ОТМЕНЕН В СВЯЗИ С НАРУШЕНИЕМ ПРАВА ПОДСУДИМОГО
НА ЗАЩИТУ И НЕПОЛНОТОЙ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА
НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ И В СУДЕ**

*Дело Верамейчика и Степанова.
Определение Судебной коллегии по уголовным делам
от 28 мая 1955 г.*

По приговору Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Якутской АССР от 9 февраля 1955 г. Верамейчик и Степанов осуждены по п. «а» ч. 1 ст. 136 УК РСФСР с применением Указа Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1954 г. «Об усилении уголовной ответственности за умышленное убийство» к расстрелу.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 24 марта 1955 г. приговор оставлен в силе.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, Коллегия установила:

Верамейчик и Степанов признаны виновными в том, что они, будучи в нетрезвом состоянии, 16 октября 1954 г. в пос. Усть-Ыныкчан Усть-Майского района из хулиганских побуждений путем нанесения ударов топором убили двух граждан — Садыкова и Нетужилкина.

Приговор и определение в отношении Верамейчика и Степанова подлежат отмене по следующим основаниям.

Предварительное и судебное следствие по делу проведено крайне поверхностно, вследствие чего ряд обстоятельств, имеющих существенное значение, остался невыясненным.

В процессе предварительного и судебного следствия не выяснены мотивы убийства Садыкова и Нетужилкина, и суд без достаточных оснований пришел к выводу, что убийство совершено Верамейчиком и Степановым из хулиганских побуждений.

Из материалов дела видно, что 16 октября 1954 г. в доме Верамейчика была организована вечеринка, в которой принимали участие Верамейчик, Степанов, Баженов, Алексеев, Нетужилкин, Садыков. Во время выпивки между Нетужилки-

ным и Степановым началась ссора, при возникновении которой присутствовали Баженов и Алексеев, но затем последние ушли.

Ни свидетели Баженов и Алексеев, ни подсудимые Степанов и Верамейчик о причинах возникшей ссоры между Степановым и Нетужилкиным тщательно не допрошены.

Из показаний свидетелей Баженова и Алексеева, данных ими в судебном заседании, видно, что ссору со Степановым затеял Нетужилкин, но затем последнего успокоили, после чего Нетужилкин и Садыков уходили из дома за спиртом, но вернулись обратно без спирта, и Нетужилкин вновь начал скандал.

Однако свидетели Баженов и Алексеев допрошены настолько поверхностно, что из их показаний трудно сделать какой-либо вывод о событиях, предшествовавших убийству.

Степанов на судебном следствии показал, что он не знает, почему произошел спор между ним и Нетужилкиным.

В ходе предварительного следствия и в судебном заседании не уточнены обстоятельства совершенного убийства и не выяснено, совершено ли убийство Садыкова и Нетужилкина одним Степановым или Степановым и Верамейчиком, или Степановым при подстрекательстве Верамейчика.

Как усматривается из приговора, суд нашел установленным, что убийство Садыкова и Нетужилкина совершено при следующих обстоятельствах.

После того как из дома Верамейчика ушли Баженов и Алексеев, вскоре ушли и Садыков с Нетужилкиным. В доме остались Верамейчик и Степанов. Через некоторое время Нетужилкин и Садыков вновь

вернулись и стали стучать в дверь. Верамейчик не пускал их и держал дверь, а затем крикнул Степанову: «Бери топор и бей их!». Степанов схватил топор, выскочил на улицу и нанес топором удар Садыкову в левую теменную область головы, от чего последний упал недалеко от входной двери. Затем Степанов побежал за Нетужилкиным, настиг его в 30 м от дома, но был Нетужилкиным сбит. Находясь под Нетужилкиным, Степанов ударил его топором и отбросил топор в сторону. Подбежавший Верамейчик взял топор, нанес им удар по голове Нетужилкина.

Эти выводы суда основаны исключительно на противоречивых показаниях подсудимых Степанова и Верамейчика, причем ни органы следствия, ни суд и не пытались устранить имеющиеся в их показаниях существенные противоречия.

При первом допросе 17 октября 1954 г. Степанов показал, что когда Садыков и Нетужилкин пытались войти в дом Верамейчика, то последний сказал ему, Степанову, чтобы он взял топор. Степанов взял топор, вышел на улицу и топором нанес удар Садыкову, а затем Нетужилкину, после чего вернулся в дом.

При предъявлении обвинения 22 октября 1954 г. Степанов, признав себя виновным, объяснил, что удар топором Садыкову нанес он, а за Нетужилкиным он бежал вместе с Верамейчиком, и один удар был нанесен им, Степановым, а остальные удары нанесены Верамейчиком, но был ли топор у Верамейчика, он не знает, так как был сильно пьян.

В судебном заседании Степанов, признавая себя виновным в убийстве Садыкова, отрицал свое участие в убийстве Нетужилкина и объяснил, что удары топором Нетужилкину наносил Верамейчик имеющимся у него топором. Затем Степанов показал: «Я, может быть, один раз его ударил»... «вспоминаю количество ударов — первого (Садыкова) — два раза, второго (Нетужилкина) — один раз».

Верамейчик в судебном заседании категорически отрицал, что он предлагал Степанову брать топор и «рубить» Садыкова и Нетужилкина, а также отрицал и личное участие в убийстве Нетужилкина.

На предварительном следствии Верамейчик также давал противоречивые показания. При допросе 17 октября 1954 г. Верамейчик не отрицал, что он крикнул Степанову: «Бери топор и бей их!», но отрицал непосредственное участие в убийстве Садыкова и Нетужилкина. При допросе 29 октября 1954 г. он показал, что за Нетужилкиным он бежал вместе со Степановым, и после того как Степанов нанес Нетужилкину удар топором, он, Верамейчик, также Нетужилкину нанес удар.

В судебном заседании Верамейчик вновь изменил свои показания.

Из показаний свидетеля Баженова видно, что протокол очной ставки между Баженовым и Верамейчиком последними был подписан без проверки записей, и, следовательно не принял мер к тому, чтобы записи допроса были проверены допрашиваемыми.

Из протокола осмотра места происшествия, который хотя и составлен явно неудовлетворительно, видно, что в доме Верамейчика был обнаружен один топор со следами крови и волос. Другого топора ни около трупов, ни в доме Верамейчика не обнаружено.

Степанов ни в одном своем показании не утверждал, что Верамейчик нанес удары Нетужилкину топором, который находился у него, Степанова. Степанов на судебном заседании утверждал обратное, что у Верамейчика в руках был свой топор, которым последний и нанес удары Нетужилкину.

Суд, не устранив этих противоречий, исключительно на предположении, не основанном на доказательствах, пришел к выводу, что Верамейчик наносил удары Нетужилкину топором, брошенным Степановым.

Таким образом, обвинение Верамейчика основано на противоречивых показаниях Степанова и на личном признании Верамейчика на предварительном следствии, от которого он в судебном заседании отказался.

Органы предварительного следствия и суд не выяснили взаимоотношений между Садыковым, Нетужилкиным и подсудимыми Степановым и Верамейчиком. По делу не установлено, были ли они ранее между собою знакомы, встречались ли ранее где-нибудь, кем они были приглашены в дом к Верамейчику — осужденными или свидетелями Алексеевым и Баженовым.

Не установлена и личность подсудимых Степанова и Верамейчика, характеристик на них к делу не приобщено. Ходатайство Верамейчика о приобщении документов, характеризующих его трудовую деятельность, а также о его болезненном состоянии судом было отклонено по мотивам, что достаточно в этой части показаний начальника автопункта Березовского. В то же время Березовский никакой характеристики подсудимым не дал, а лишь показал, что Степанов с работы ушел в 1953 году, но летом работал в сельском хозяйстве, а Верамейчик не работает с мая 1954 года.

Сами подсудимые по этому вопросу не допрошены.

Помимо того, что предварительное и судебное следствие по выяснению обстоятельств совершенного преступления и конкретного участия каждого из подсудимых в этом преступ-

лении проведены явно неудовлетворительно, приговор подлежит отмене по следующим основаниям:

Судом вынесено частное определение о недостойном поведении адвоката Кильмякиной, отказавшейся от защиты подсудимого Степанова вследствие отсутствия у последнего средств для уплаты гонорара.

Из этого частного определения видно, что адвокат Кильмякина отказалась от защиты подсудимого Степанова перед судебным заседанием после изучения дела. Вместо адвоката Кильмякиной в судебном процессе принял участие «общественный защитник» Кононов. Из протокола судебного заседания нельзя установить личность Кононова, его должностное положение и знание им права, был ли Кононов ознакомлен с материалами дела перед его рассмотрением в судебном заседании, соблюдена ли судом ст. 268 УПК РСФСР при замене адвоката, то есть получено ли согласие подсудимого Степанова на замену адвоката. Все это дает основание сделать вывод, что судом было нарушено право подсудимого на защиту.

На основании изложенного, соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Якутской АССР и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР в отношении Верамейчика и Степанова отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

11. НЕОБОСНОВАННОЕ ПРИМЕНЕНИЕ СТ. 51 УК РСФСР БЕЗ УЧЕТА ОТЯГЧАЮЩИХ ВИНУ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Дело М. Определение Транспортной коллегии от 10 августа 1955 г.

По приговору Московского линейного транспортного суда М. был осужден по ч. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование» с применением ст. 51 УК РСФСР к

шести годам заключения в исправительно-трудовом лагере без поражения в правах: по ч. 2 ст. 74 УК РСФСР к двум годам лишения свободы в общих местах заключения без поражения в правах и по ч. 2 ст. 143 УК РСФСР к шести месяцам

исправительно-трудовых работ по месту работы с удержанием из заработной платы 25 процентов ежемесячно, а по совокупности совершенных преступлений в силу ст. 49 УК РСФСР — к наказанию, назначенному по ч. 1 Указа от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование».

Председатель Верховного суда СССР в протесте ставит вопрос об отмене приговора суда по тем мотивам, что ст. 51 УК РСФСР применена в данном случае без учета обстоятельств, отягчающих вину М.

Рассмотрев материалы дела, Транспортная коллегия установила:

М. признан виновным в том, что он вечером 10 декабря 1954 г. на ст. Угрешная Московско-Окружной ж. д., будучи в нетрезвом состоянии, явился в женский вагон-общезитие и учинил там хулиганские действия: в присутствии находившихся в вагоне И. и Н. выражался нецензурными словами и дважды ударил И., требуя, чтобы она ушла из вагона. Когда же И. вышла из вагона и М. остался наедине с Н., он ее изнасиловал.

Как видно из показаний потерпевшей Н., М., выгнав из вагона-общезития И., потребовал чтобы она вступила с ним в половую связь. Когда же она отказалась выполнить это требование М., последний ударил ее табуретом по голове и, вос-

пользовавшись тем, что она потеряла сознание, разорвал на ней одежду и изнасиловал ее. Затем, утверждает потерпевшая Н., как только она пришла в сознание, М. продолжал издевательства, приставая с новыми циничными требованиями.

Объяснения потерпевшей Н. находят подтверждение в показаниях допрошенных в судебном заседании свидетелей, пояснивших, что Н., вырвавшись от М., прибежала в другой вагон в разорванном платье. Как показали свидетели, Н. была окровавлена и плакала.

При наличии всех указанных обстоятельств следует признать, что указание в приговоре на первую судимость М. и на то, что он положительно характеризуется домоуправлением, не могло рассматриваться в качестве достаточного основания для назначения М. наказания ниже низшего предела, указанного в законе. Статья 51 УК РСФСР применена судом в результате недооценки общественной опасности совершенных М. преступлений.

В силу изложенного Транспортная коллегия Верховного суда СССР определила:

Приговор Московского линейного транспортного суда в отношении М. отменить и дело возратить на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе.

12. ОТМЕНА КАССАЦИОННОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВВИДУ НЕОБОСНОВАННОГО СНИЖЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

Дело Войнич. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 4 августа 1955 г.

По приговору народного суда Немчинского района Литовской ССР Войнич осужден по ст. 4 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Литовской ССР снизила Войничу наказание до одного года исправительно-трудовых работ на общих основаниях с удержанием из заработка 20 процентов в доход государства.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия по уголовным делам установила:

Войнич признан судом виновным в том, что он с поля колхоза «Путь Ленина» похитил 502 снопа ржи. Похищенные снопы были обнаружены у Войнич в сарае во время обыска.

Из материалов дела видно, что, рассмотрев дело по обвинению Войнич в хищении колхозного имущества, народный суд при назначении

наказания учел размер похищенного и первую судимость Войнича. Однако Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Литовской ССР, признав осуждение Войнича правильным, необоснованно пришла к выводу, что наказание, назначенное Войничу, является чрезмерно суровым, и заменила ему лишение свободы исправительно-трудовыми работами.

Между тем материалы дела не давали Коллегии основания для снижения меры наказания, тем более что, как установлено расследованием дела, Войнич является злостным нарушителем трудовой дисциплины в колхозе, за что в 1952 году был даже исключен из колхоза.

13. НАЗНАЧЕНИЕ НЕ СООТВЕТСТВУЮЩЕГО ПО СВОЕЙ МЯГКОСТИ НАКАЗАНИЯ ЗА ТЯЖКОЕ ТЕЛЕСНОЕ ПОВРЕЖДЕНИЕ, ПОВЛЕКШЕЕ СМЕРТЬ ПОТЕРПЕВШЕГО

*Дело Аксентьева. Определение Транспортной коллегии
от 16 июня 1955 г.*

По приговору Челябинского линейного транспортного суда Аксентьев был осужден по ч. 2 ст. 142 УК РСФСР к пяти годам лишения свободы.

Аксентьев признан виновным в том, что в ночь на 8 декабря 1954 г. он, находясь в нетрезвом состоянии в вестибюле вокзала ст. Челябинск, учинил драку с гр-ном Бехом, во время которой имеющимся у него перочинным ножом нанес последнему тяжелое ранение. От потери крови в результате полного повреждения правой бедренной вены Бех умер.

Определением Свердловского окружного транспортного суда отклонен кассационный протест прокурора на мягкость наказания.

14. КАССАЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТМЕНЕНО В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА, КАК ВЫНЕСЕННОЕ С НАРУШЕНИЕМ СТ. 409 УПК РСФСР

*Дело Жмурина. Определение Транспортной коллегии
от 16 июня 1955 г.*

По приговору Орджоникидзевского линейного транспортного суда Жмурин был осужден по ч. 2 ст. 74 УК РСФСР с применением ст. 51 УК РСФСР к одному году исправитель-

С другой стороны, Верховный суд республики не обсудил вопроса о правильности квалификации действий Войнича по ст. 4 упомянутого Указа от 4 июня 1947 г., поскольку материалами дела не установлены квалифицирующие признаки, предусмотренные этой статьей.

На основании изложенного и соглашаясь с протестом, Судебная коллегия определила:

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Литовской ССР в отношении Войнича отменить и дело направить на новое кассационное рассмотрение в ту же Коллегию в ином составе с вызовом осужденного.

Рассмотрев аналогичный протест Генерального Прокурора СССР, Транспортная коллегия признала, что избранная судом в отношении Аксентьева мера наказания по своей мягкости не соответствует тяжести совершенного Аксентьевым преступления.

Поэтому, соглашаясь с протестом Генерального Прокурора СССР, Транспортная коллегия Верховного суда СССР определила:

Приговор Челябинского линейного транспортного суда и определение Свердловского окружного транспортного суда в отношении Аксентьева отменить и дело о нем направить на новое рассмотрение в тот же линейный транспортный суд, но в ином составе.

но-трудовых работ с удержанием 15 процентов из заработной платы. Ростовский окружной транспортный суд по протесту прокурора приговор отменил и дело обратил на

новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Транспортная коллегия установила:

Жмурин признан виновным в том, что, будучи в нетрезвом состоянии, 19 марта 1955 г. в помещении ресторана на ст. Беслан Орджоникидзево́й ж. д. учинил хулиганские действия, выразившиеся в том, что он нецензурно бранился в присутствии находившихся в ресторане пассажиров, а при попытке доставить его в отделение милиции из хулиганских побуждений толкнул в грудь гр-на Диширлеева и ударил его по лицу.

По кассационному протесту прокурора определением Ростовского окружного транспортного суда приговор в отношении Жмурина отменен по мотивам несоответствия назначенного ему наказания тяжести совершенного им преступления и дело направлено в тот же суд на новое рассмотрение в ином составе.

Председатель Верховного суда СССР внес протест, в котором просит об отмене определения Ростов-

ского окружного транспортного суда по мотиву, что при рассмотрении дела в кассационном порядке было нарушено право обвиняемого на защиту.

Протест подлежит удовлетворению, так как согласно ст. 409 УПК РСФСР к слушанию дела в кассационной инстанции должны быть вызваны стороны. Между тем в данном случае осужденный Жмурин о поступлении кассационного протеста прокурора извещен не был. О рассмотрении этого дела в кассационном порядке было сообщено лишь адвокату, защищавшему Жмурина в суде первой инстанции. Однако и это извещение адвокату было направлено несвоевременно, вследствие чего он не в состоянии был прибыть к назначенному сроку в окружной транспортный суд.

Ввиду изложенного Транспортная коллегия Верховного суда СССР определила:

Определение Ростовского окружного транспортного суда по делу Жмурина отменить и дело о нем направить на новое кассационное рассмотрение в Киевский окружной транспортный суд.

15. СУДЬЯ НЕ МОЖЕТ УЧАСТВОВАТЬ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛА, ЕСЛИ ОН ЯВЛЯЕТСЯ СВИДЕТЕЛЕМ ПО ЭТОМУ ЖЕ ДЕЛУ

Дело Д. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 22 июня 1955 г.

[Извлечение]

По приговору народного суда 1-го участка Нухинского района Азербайджанской ССР Д. осужден по ст. 196 УК Азербайджанской ССР.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Азербайджанской ССР приговор оставлен в силе.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, в котором ставился вопрос об отмене приговора и определения и направлении дела на новое рассмотрение со стадии

судебного разбирательства, Коллегия установила:

Д. признан виновным в том, что он с июля 1953 года, находясь в брачных отношениях с гр-кой М., понуждал ее к вступлению с ним в половую связь в извращенных формах.

Приговор народного суда и связанное с ним определение Верховного суда Азербайджанской ССР подлежат отмене, а дело — направлению на новое судебное разбирательство по следующим основаниям:

Как видно из материалов дела на предварительном следствии по ходатайству потерпевшей М. для установления ее взаимоотношений с Д. в качестве свидетеля была допрошена Рафиева А. Из протокола судебного заседания и приговора усматривается, что Рафиева участвовала в составе суда в качестве народного заседателя, вынесшего приговор по делу.

При изложенных обстоятельствах следует признать, что судом при рассмотрении дела грубо нарушены требования ст. ст. 40 и 42 УПК Азербайджанской ССР, в связи с чем на основании ст. 404 УПК Азербайджанской ССР приговор народ-

ного суда не может оставаться в силе и подлежит отмене как вынесенный в незаконном составе судей.

В силу изложенного, соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по уголовным делам определила:

Приговор народного суда 1-го участка Нухинского района Азербайджанской ССР и определение Верховного суда Азербайджанской ССР в отношении Д. отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства в ином составе судей, передав дело на рассмотрение в народный суд 2-го участка Нухинского района Азербайджанской ССР.

16. СОЛИДАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ХИЩЕНИЕМ, ДОЛЖНА ВОЗЛАГАТЬСЯ НА ВИНОВНЫХ ЛИЦ В РАЗМЕРЕ ТОЙ СУММЫ, КОТОРУЮ КАЖДОЕ ИЗ НИХ ПОХИТИЛО ИЛИ ХИЩЕНИЮ КОТОРОЙ ОНО СОДЕЙСТВОВАЛО

I

Дело Попова и других. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 11 июня 1955 г.

[Извлечение]

По приговору Верховного суда Азербайджанской ССР Попов, Махов, Крюков, Галонский, Иванушкин и Бойко были в числе других осуждены по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» со взысканием с них солидарно с другими осужденными по делу Кузьютиным, Гамцмалидзе и другими в доход государства 249 092 руб.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Коллегия нашла, что приговором неправильно определена солидарная ответственность указанных осужденных.

Попов признан виновным в том, что, работая в Азербайджанской консерватории, вошел в преступную связь с работником конторы «Грузмрамор» Кузьютиным и другими и под видом выполнения разных работ по совместительству участвовал в

составлении фиктивных нарядов на вымышленные работы, куда включал работавших с ним в Азербайджанской консерватории Саркисова и Лупачева. Пользуясь малограмотностью последних, он давал им подписывать денежные платежные ведомости на большие суммы, чем им причиталось, и присваивал остальные деньги.

Кроме того, он вовлек в это преступление жену и, заручившись от нее заявлением о приеме на работу в контору «Грузмрамор», оформил ее через Кузьютина разнорабочей, хотя она фактически не работала, и на ее имя было выписано и одновременно получено Поповым 9161 руб.

Как указано в приговоре, Поповым по сфабрикованным им нарядам как на себя, так и на жену получено и присвоено 42 944 руб.

Махов, Крюков, Галонский, Иванушкин и Бойко осуждены за то, что каждый из них в отдельности, так

же как и Попов, были вовлечены Кузьютиным в преступную группу. Производя незначительные работы и на небольшую сумму, а иногда и без этого, они составляли фиктивные наряды на вымышленные работы. Деньги, полученные по этим фиктивным нарядам они получали лично сами, часть оставляли Кузьютину и другим.

Конкретизируя вину каждого, суд указал в приговоре, что таким образом расхищено при участии Махова 36 528 руб., Иванушкина — 22 172 руб., Крюкова — 23 422 руб., Галонского — 5142 руб. и Бойко — 18 530 руб.

Вина осужденных Попова, Махова, Иванушкина, Крюкова, Галонского и Бойко доказана имеющимися в деле фиктивными нарядами, платежными ведомостями, показаниями самих осужденных и актом судебно-бухгалтерской экспертизы.

Несмотря на то, что суд в приговоре указал конкретную сумму, расхищенную каждым из участников преступления, он постановил взыскать 249 092 руб. с названных осужденных солидарно.

Между тем, как это признано самим судом и вытекает из мате-

риалов дела, каждый из участников хищения был связан с Кузьютиным в отдельности и никакого участия в хищении с другими не принимал. Не установлено, что вышеназванные лица, каждый в отдельности, знали о других хищениях, совершенных Кузьютиным и другими, и чем-либо содействовали ему. В силу ст. 453 ГК Азербайджанской ССР и постановления Пленума Верховного суда СССР от 28 мая 1954 г. «О судебной практике по взысканию материального ущерба, причиненного преступлением» к солидарной ответственности за весь причиненный ущерб в результате преступления привлекаются непосредственные исполнители, совместно причинившие ущерб, и лица, принимавшие участие в преступлении в виде подстрекательства или пособничества.

Как это установлено судом, осужденные Попов, Махов, Крюков и другие вышеназванные осужденные участвовали в хищении определенной суммы государственных денежных средств. Поэтому они должны нести солидарную ответственность в пределах той суммы, в расхищении которой принимали участие, а не всего ущерба.

II

Дело Газаровой. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 6 июля 1955 г.

[Извлечение]

По приговору Верховного суда Узбекской ССР Газарова в числе других осуждена по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» со взысканием с нее в пользу Орджоникидзевского райсобеса солидарно с другими осужденными 862 207 р. 99 к.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, в котором

ставился вопрос об изменении приговора, Коллегия установила:

Газарова признана виновной в том, что она, работая с 4 августа 1949 г. счетоводом в Орджоникидзевском райсобесе, войдя в преступную связь с осужденными по данному делу заведующим райсобесом Халмухамедовым и бухгалтером Ахунджановым, выполняла указания Халмухамедова и Ахунджанова по вербовке подставных лиц для полу-

чения денежных средств по фиктивным спискам из отделения связи. Она завербовала девять человек для этой цели, в том числе свою мать Михайлову Е. С., санитарку райбольницы Золотухину Ф. Г. и других, которые получили в почтовом отделении по фиктивным спискам и почтовым переводам заведомо не причитающиеся им и незаконно выписанные Халмухамедовым и Ахунджановым от имени райсобеса в виде пенсий и пособий 25 959 р. 05 к. и отдали эту сумму Газаровой. Последняя из этой суммы 1900 руб. выдала в качестве вознаграждения указанным выше лицам, а остальные деньги передала Халмухамедову и Ахунджанову, получив от них в свою пользу 3300 руб.

Приговор подлежит изменению по следующим основаниям:

Винность Газаровой в части хищения 25 959 р. 05 к. государственных средств доказана показаниями свидетелей Золотухиной, Третьяк и других, актом ревизии и личным признанием самой осужденной. Преступление квалифицировано по ст. 2 вышеназванного Указа правильно.

Однако суд неправильно взыскал с Газаровой солидарно с другими осужденными в пользу Орджоникидзевского райсобеса 862 207 руб. 99 к.

Поскольку, как установлено по делу, участие Газаровой выразилось в хищении 25 959 руб. 05 к. и это вменено ей в вину по приговору, то и материальную ответственность она должна нести только в пределах этой суммы, а не всей суммы, расхищенной из средств собеса.

17. НЕПРАВИЛЬНОЕ ПРИВЛЕЧЕНИЕ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО Ч. 1 СТ. 92 УК РСФСР ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА ЗА НЕОБЕСПЕЧЕНИЕ ЯВКИ СВИДЕТЕЛЕЙ В СУД

Дело Попова. Определение Транспортной коллегии от 4 декабря 1954 г.

Орджоникидзевский линейный транспортный суд 8 сентября 1954 г. вынес определение о наложении штрафа в размере 100 руб. на исполняющего обязанности начальника станции Червленая-Узловая Долгополова за то, что по его вине в судебное заседание по делу Попова, преданного суду по ч. 2 ст. 74 и ч. 2 ст. 143 УК РСФСР не явились свидетели: Арнаполов, Ларионов, Драгунова и Переяслава.

В определении указано, что Долгополов, получив телеграмму линейного транспортного суда об обеспечении явки в суд свидетелей по делу, не выполнил это указание, не освободил от работы свидетелей, чем воспрепятствовал их явке в суд.

Определением от 26 октября 1954 г. линейный суд жалобу Долгополова о снятии с него штрафа отклонил.

Генеральный Прокурор СССР просит в протесте об отмене определе-

ния о наложении штрафа на Долгополова.

Рассмотрев дело, Транспортная коллегия установила:

Из материалов дела усматривается, что в судебное заседание не явился подсудимый Попов, а также и вызываемые по делу свидетели, в связи с чем дело надлежало слушанием отложить.

Указание в определении суда на то, что Долгополов не освободил свидетелей от работы и этим препятствовал явке их в суд, не соответствует действительности.

Так, свидетель Арнаполов 4 сентября 1954 г. выбыл на курсы в г. Ростов, Переяслава была еще 1 сентября 1954 г. переведена на работу на ст. Наурская, свидетель Драгунова была уволена с работы 6 сентября 1954 г., Ларионов не являлся подчиненным по службе Долгополова.

Председательствующий в судебном заседании по данному делу в нарушение ст. 271 УПК РСФСР не выяснил действительных причин неявки свидетелей и необоснованно поставил перед составом суда вопрос об ответственности Долгополова по ч. 1 ст. 92 УК РСФСР.

Кроме того, следует отметить, что судья не вправе обязывать должностных лиц предприятий или учреждений вызывать в суд свидетелей,

а тем более привлекать их к ответственности по ст. 92 УК РСФСР за невыполнение таких требований.

В силу изложенного Транспортная коллегия Верховного суда СССР определила:

Определение Орджоникидзевского линейного транспортного суда от 8 сентября 1954 г. и определение того же суда от 26 октября 1954 г. об оштрафовании Долгополова отменить и дело в этой части прекратить.

18. ХУЛИГАНСКИЕ ДЕЙСТВИЯ НЕПРАВИЛЬНО РАСЦЕНЕНЫ СУДОМ КАК РАЗБОЙНОЕ НАПАДЕНИЕ

Дело Гапонова и Богача. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 24 августа 1955 г.

По приговору народного суда 1-го участка Кировского района г. Макеевки осуждены: Гапонов по ч. 2 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР и по ст. 150 УК УССР по совокупности и Богач — по ч. 2 ст. 2 названного Указа от 4 июня 1947 г.

Определением Сталинского областного суда приговор оставлен в силе, а жалоба осужденных без удовлетворения.

Протест Председателя Верховного суда СССР принесен на предмет переквалификации обвинения Гапонова и Богача на ч. 2 ст. 70 УК УССР.

Судебная коллегия по уголовным делам установила:

Гапонов и Богач признаны судом виновными в том, что они 29 апреля 1953 г. по предварительному сговору совершили разбойное нападение на гр-на Мурина, у которого путем применения насилия изъяли 50 руб.

Кроме того, Гапонов признан виновным в нанесении гр-ну Михно двух ножевых ранений, причинивших последнему легкие телесные повреждения.

Приговор и определение в отношении Гапонова и Богача подлежат изменению по следующим основаниям:

Из материалов дела видно, что 29 апреля 1953 г. Гапонов и Богач встретили на одной из улиц г. Макеевки своего знакомого Михно и его товарища Мурина.

Там же на улице, у ларька, а впоследствии в столовой все указанные лица приняли участие в совместном распитии спиртных напитков, за которые деньги платили Богач и Гапонов.

Как видно из показаний Михно и Богача, Мурин за вино денег не платил, заявив участникам выпивки, что у него при себе нет денег.

Во время пребывания в столовой Богач вытащил у Мурина из кармана имевшиеся у него деньги в сумме 50 руб., которые потом по настоянию Михно, видевшего это, возвратил Мурину, потребовав при этом, чтобы тот на эти деньги купил еще вина.

Это обстоятельство подтверждено показаниями Мурина и Михно.

Указанное требование Богача, которое поддержал также и Михно, Мурин согласился выполнить, но свое обещание не сдержал, а тайком из столовой ушел.

Обнаружив отсутствие Мурина, Гапонов и Богач вышли из столовой и, увидев уходящего по улице Мурина, догнали его, отобрали

50 руб. и пошли обратно в столовую. При этом они выражались нецензурными словами в адрес Мурина. Эти обстоятельства были подтверждены показаниями Мурина.

Когда Михно также вышел из столовой и увидел вновь Гапонова и Богача, который в руках держал пять купюр по 10 руб., он потребовал передать деньги ему для возвращения их Мурину и обругал их за то, что они отобрали у Мурина эти деньги. В ответ на требование Михно Гапонов начал с ним ругаться и нанес ножом два удара в область груди и плеча, причинив этим Михно легкие телесные повреждения. Эти обстоятельства подтверждены показаниями свидетеля Михно и актом судебно-медицинской экспертизы.

Таким образом, из приведенных доводов видно, что Богач и Гапонов не совершили разбойного нападения на Мурина с целью его ограбления и в их действиях нет состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 2 упомянутого Указа от 4 июня 1947 г.

Из обстоятельств дела видно, что Богач и Гапонов отобрали у Мурина деньги с целью возмещения сделанных ими затрат на выпивку, в которой принимал участие и Мурин. Непосредственным поводом этих действий явился обман Богача и Гапонова со стороны Мурина, развившийся в неправильном утверждении последнего, что у него нет

денег, а затем в отказе его выполнить свое обещание угостить участников выпивки водкой.

Учитывая изложенное, Коллегия находит, что в действиях Гапонова и Богача нет состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 2 названного выше Указа.

Действия Богача и Гапонова, которые народный суд рассматривал как разбойное нападение, надлежит квалифицировать по ч. 2 ст. 70 УК УССР (хулиганство), поскольку их действия были связаны с нарушением общественного порядка, с проявлением явного неуважения к обществу.

На основании изложенного и соглашаясь с доводами протеста, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда 1-го участка Кировского района г. Макеевки и определение Сталинского областного суда в отношении Богача и Гапонова изменить, их преступление с ч. 2 ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» переqualифицировать на ч. 2 ст. 70 УК УССР и назначить меру наказания: Богачу — три года лишения свободы, а Гапонову по совокупности преступлений по ч. 2 ст. 70 и ст. 150 УК УССР — три года лишения свободы. Конфискацию имущества из приговора в отношении Гапонова и Богача исключить.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1. НЕ ДОПУСКАЕТСЯ НАЛОЖЕНИЕ ВЗЫСКАНИЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ ПРЕДПРИЯТИЯ (УЧРЕЖДЕНИЯ) ПО ИСТЕЧЕНИИ ОДНОГО МЕСЯЦА СО ДНЯ ОБНАРУЖЕНИЯ ПРОСТУПКА

*Определение по делу № 03/720-55. Иск Маньковского
к Бендерскому лесхозу о восстановлении на работе
и оплате за вынужденный прогул*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 18 июня 1955 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда 1-го участка г. Бендеры от 12 февраля 1955 г., определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Молдавской ССР от 11 марта 1955 г. и на постановление Президиума Верховного суда Молдавской ССР от 14 апреля 1955 г. по иску Маньковского к Бендерскому лесхозу о восстановлении на работе и оплате за вынужденный прогул.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Маньковский работал у ответчика в качестве лесника Кипканской лесной дачи. Приказом от 27 августа 1954 г. Маньковский с работы был уволен по п. «г» ст. 47 КЗоТ.

Считая увольнение с работы неправильным, Маньковский после отмены решения РКК президиумом республиканского комитета профсоюза рабочих и служащих сельского хозяйства обратился в суд с иском о восстановлении на работе.

Народный суд 1-го участка г. Бендеры 12 февраля 1955 г. в иске Маньковскому отказал, сославшись на то, что истцу ранее был объяв-

лен строгий выговор за обнаружение в его обходе самовольной порубки леса в количестве 8,5 куб. м.

Верховный суд Молдавской ССР 11 марта 1955 г. решение народного суда оставил в силе, а жалобу Маньковского о пересмотре дела без удовлетворения.

Принесенный Председателем Верховного суда Молдавской ССР протест в Президиум Верховного суда Молдавской ССР постановлением Президиума от 14 апреля 1955 г. был отклонен.

Председателем Верховного суда СССР внесен протест на предмет отмены решения народного суда и последующих определений и о передаче дела на новое рассмотрение.

Обсудив протест, Коллегия считает, что дело судом разрешено неправильно и названные выше решение, определение и постановление Президиума Верховного суда Молдавской ССР подлежат отмене по следующим основаниям.

Как видно из дела, факт самовольных порубок в количестве 8,5 куб. м в обходе, где работал лесником Маньковский, был установлен еще в марте 1954 года.

В соответствии с п. 22 Типовых правил внутреннего трудового распорядка для рабочих и служащих

государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений, утвержденных 18 января 1941 г., не допускается наложение взысканий администрацией предприятия (учреждения) по истечении одного месяца со дня обнаружения проступка. В данном случае взыскание в виде строгого выговора было наложено на Маньковского 28 мая 1954 г., то есть по истечении двух месяцев со дня обнаружения проступка, что противоречит закону.

Последующий затем приказ об увольнении Маньковского по тем мотивам, что он, имея строгий выговор, использовал земельный участок свыше установленной нормы, также является неосновательным, так как из дела видно, что земельные участки Маньковскому были отведены в семи местах, в силу чего имевшее место расхождение могло быть вызвано неточным обмером участков.

Никаких доказательств того, что Маньковский пытался умышленно

увеличить размер находящихся в его пользовании земельных участков, в деле не имеется.

Принимая во внимание изложенное и учитывая, что нет надобности в собирании дополнительных доказательств по делу, Коллегия считает, что дело должно быть разрешено по существу без передачи его на новое рассмотрение.

По указанным соображениям Судебная коллегия определила:

Решение народного суда 1-го участка г. Бендеры от 12 февраля 1955 г., определение Верховного суда Молдавской ССР от 11 марта 1955 г. и постановление Президиума Верховного суда Молдавской ССР от 14 апреля 1955 г. отменить.

Восстановить Маньковского на прежней работе в качестве лесника Бендерского лесхоза и взыскать в пользу Маньковского заработную плату за 20 дней вынужденного прогула.

2. В ПОРЯДКЕ СТ. 50 КЗбСО РСФСР И СООТВЕТСТВУЮЩИХ СТАТЕЙ ДРУГИХ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК АЛИМЕНТЫ НА СОДЕРЖАНИЕ РЕБЕНКА МОГУТ БЫТЬ ВЗЫСКАНЫ С ОТВЕТЧИКА ЛИШЬ В ТВЕРДОЙ ДЕНЕЖНОЙ СУММЕ НА СРОК ДО РАЗРЕШЕНИЯ СПОРА ПО СУЩЕСТВУ

Определение по делу № 03/276-55.

Иск Зерской М. А. к Зерскому И. А. о взыскании алиментов

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 25 июня 1955 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение суда от 25 апреля 1955 г. по иску Зерской М. А. к Зерскому И. А. о взыскании алиментов.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

В августе 1948 года Зерская предъявила в суде иск к Зерскому о взыскании алиментов.

Свои искивые требования истица обосновывала тем, что она с ноября 1945 года состоит в зарегистрированном браке с ответчиком, от этого брака у них имеется дочь рождения

26 октября 1946 г., на содержание которой ответчик не оказывает материальной помощи.

Народный суд 1-го участка г. Кронштадта 22 сентября 1948 г. в связи с неявкой в суд ответчика вынес определение, коим постановил: впредь до разрешения дела по существу взыскивать с Зерского в пользу Зерской на содержание их дочери $\frac{1}{4}$ часть всех видов заработной платы ежемесячно до совершеннолетия ребенка, начиная удержание с 27 августа 1948 г.

Последующим определением от 22 мая 1950 г. народный суд дело производством прекратил за неявкой сторон в суд.

В апреле 1955 года Зерская обратилась в суд с заявлением о выдаче ей дубликата исполнительного листа от 22 сентября 1948 г. на взыскание алиментов с Зерского, ссылаясь на то, что исполнительный лист утерян.

Суд 25 апреля 1955 г. требования Зерской удовлетворил.

Все состоявшиеся по настоящему делу судебные определения подлежат отмене, а дело передаче на новое рассмотрение.

Как видно из материалов дела, определение народного суда от 22 сентября 1948 г. о взыскании с ответчика Зерского алиментов «впредь до разрешения дела по существу» вынесено в порядке ст. 50 КЗоБСО РСФСР.

Поскольку это определение о взыскании алиментов вынесено в порядке ст. 50 КЗоБСО РСФСР, народный суд неправильно указал о взыскании алиментов в процентном отношении к заработной плате ответчика: в этом случае надлежало установить размер алиментов в определенной денежной сумме. Кроме того, народный суд неправильно также указал и на взыскание алиментов до совершеннолетия ребенка, тогда как в порядке ст. 50 КЗоБСО РСФСР алименты взыскиваются только до разрешения спора по существу.

В связи с тем, что дело по иску Зерской к Зерскому о взыскании алиментов по существу не было разрешено и определением народного суда от 22 мая 1950 г. производством прекращено за неявкой в суд сторон и неизвестностью адресов сторон, у суда не было оснований для выдачи дубликата исполнительного листа.

При новом рассмотрении настоящего дела суду надлежит иск Зерской о взыскании с Зерского алиментов разрешить по существу. Если истице адрес ответчика не известен, то суду в соответствии с п. 1 постановления Пленума Верховного суда СССР от 4 августа 1950 г. «О судебной практике по делам о взыскании средств на содержание детей» следует вынести определение о розыске ответчика в порядке ст. 26 ГПК РСФСР.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить все состоявшиеся по настоящему делу судебные определения и дело передать на рассмотрение по существу. До разрешения дела по существу взыскивать в порядке ст. 50 КЗоБСО РСФСР с Зерского в пользу Зерской на содержание дочери по 150 руб. ежемесячно.

3. ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ДЕЛ О ВЗЫСКАНИИ СРЕДСТВ НА СОДЕРЖАНИЕ ДЕТЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ НА ВОСПИТАНИИ ПРИ КАЖДОМ ИЗ РОДИТЕЛЕЙ, СУД ДОЛЖЕН ОПРЕДЕЛИТЬ РАЗМЕР АЛИМЕНТОВ С ОДНОГО РОДИТЕЛЯ В ПОЛЬЗУ ДРУГОГО, МЕНЕЕ ОБЕСПЕЧЕННОГО МАТЕРИАЛЬНО, В ДЕНЕЖНОЙ СУММЕ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТОРОН

Определение по делу № 03/108-55. Иски Наденной и Подопригора о взыскании средств на содержание детей

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 12 марта 1955 г. протест Председателя Верховного суда СССР на судебные решения по искам Наденной и Подопригора о взыскании средств на содержание детей.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Наденная и Подопригора с 1937 года состояли в браке.

От совместной жизни стороны имеют двоих детей — сына Юрия, 1938 года рождения, и сына Алефтина, 1940 года рождения.

В связи с прекращением брачных отношений Наденная предъявила в суде иск о взыскании с Подопригора алиментов на содержание сына Алефтина, оставшегося у нее на воспитании.

Народный суд 2-го участка Сталинского района г. Николаева решением от 24 сентября 1953 г. постановил взыскивать с Подопригора алименты на содержание сына Алефтина в размере 25 процентов заработка.

Подопригора также предъявил в суде иск к Наденной о взыскании с нее алиментов, ссылаясь на то, что второй их сын — Юрий остался у него на воспитании.

Народный суд 1-го участка г. Моздока решением от 27 сентября 1954 г. постановил взыскивать с Наденной на содержание сына Юрия алименты в размере 25 процентов ее заработка.

Председатель Верховного суда СССР в протесте ставит вопрос об отмене судебных решений, вынесенных по указанным делам, объединении обоих дел в одно производство и направлении их на новое рассмотрение.

Протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Согласно п. 13 постановления Пленума Верховного суда СССР от 4 августа 1950 г. «О судебной практике

по делам о взыскании средств на содержание детей» при разрешении дел о взыскании средств на содержание детей, находящихся на воспитании при каждом из родителей, суд должен определить размер алиментов с одного родителя в пользу другого, менее обеспеченного материально, в твердой денежной сумме в зависимости от материального положения сторон, а не в процентах к заработку, как это установлено постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г.

Следовательно, в данном случае суд должен был выяснить материальное положение сторон и в зависимости от этого определить, кто из родителей и в каком размере (в твердой денежной сумме) должен выплачивать средства на содержание ребенка, находящегося на воспитании у другой стороны.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить решение народного суда 2-го участка Сталинского района г. Николаева от 24 сентября 1953 г. и решение народного суда 1-го участка г. Моздока от 27 сентября 1954 г., оба дела объединить в одно производство и направить на новое рассмотрение в народный суд 2-го участка Сталинского района г. Николаева (по месту жительства Наденной) в ином составе суда.

4. УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТА БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ МОЖЕТ ИМЕТЬ МЕСТО ТОЛЬКО В СЛУЧАЯХ, ЕСЛИ ФАКТИЧЕСКИЕ БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ВОЗНИКЛИ ДО ИЗДАНИЯ УКАЗА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОТ 8 ИЮЛЯ 1944 Г. ПРИ НАЛИЧИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩИХ О ПРАКТИЧЕСКОЙ НЕВОЗМОЖНОСТИ ЗАРЕГИСТРИРОВАТЬ БРАК В СООТВЕТСТВИИ С ТРЕБОВАНИЯМИ СТ. 19 НАЗВАННОГО УКАЗА

Определение по делу № 03/186-55. Заявление Садовской об установлении факта брачных отношений с Сикорой

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 23 апреля 1955 г. протест Председателя Верховного суда СССР на постановление Президиума Верховного суда

Украинской ССР от 27 сентября 1954 г. по заявлению Садовской об установлении факта брачных отношений с Сикорой.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Садовская обратилась в суд с заявлением об установлении факта брачных отношений с Сикорой, существовавших с 1950 по 1952 гг.

Народный суд 2-го участка Буденновского района Сталинской области определением от 1 сентября 1952 г. установил факт брачных отношений между Садовской и Сикорой.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда УССР определением от 30 апреля 1953 г. отменила определение народного суда и дело производством прекратила.

Президиум Верховного суда УССР постановлением от 27 сентября 1954 г. отменил определение Верховного суда УССР и оставил в силе определение народного суда.

Председатель Верховного суда СССР внес протест в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, в котором ставит вопрос об отмене постановления Президиума Верховного суда УССР и оставлении в силе определения Верховного суда УССР.

Протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1944 г. «О порядке признания фактических брачных отношений в случае смерти или пропажи без вести на фронте одного из супругов», суд может установить факт состояния в фактических брачных отношениях

только в том случае, если отношения возникли до 8 июля 1944 г. и не могли быть оформлены, согласно ст. 19 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., вследствие смерти или пропажи без вести на фронте одного из супругов.

В данном случае, как объяснила в суде Садовская, она вступила в фактический брак с Сикорой в 1950 году, то есть после издания Указа от 8 июля 1944 г., и брак в установленном законом порядке оформлен не был. С учетом этих обстоятельств Судебная коллегия Верховного суда УССР правильно прекратила дело производством.

Ссылка Президиума Верховного суда УССР на то, что согласно п. «г» ст. 3 постановления Пленума Верховного суда СССР от 7 мая 1954 г. суды имеют право устанавливать подобного рода факты, является неправильной, так как в указанном постановлении Пленума речь идет о тех отношениях, которые возникли до 8 июля 1944 г., а не о тех, (как в данном случае), которые возникли после издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить постановление Президиума Верховного суда УССР от 27 сентября 1954 г. и оставить в силе определение Верховного суда УССР от 30 апреля 1953 г.

5. СРОК ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ МОЖЕТ БЫТЬ ПРОДЛЕН СУДОМ ЛИШЬ В ТОМ СЛУЧАЕ, ЕСЛИ ОН БЫЛ ПРОПУЩЕН ПО ОСНОВАТЕЛЬНЫМ ПРИЧИНАМ

Определение по делу № 03/326-55. Иск мастерских Азербайджанского отделения художественного фонда СССР, к Салам-Заде о взыскании 6400 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 6 августа 1955 г. протест Председателя Верховного суда СССР на судебные ре-

шения и определения по иску производственно-художественных мастерских Азербайджанского отделения Художественного фонда СССР к Салам-Заде о взыскании 6400 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Производственно-художественные мастерские Азербайджанского отделения художественного фонда СССР предъявили в суде иск к Салам-Заде Салам Абдул Касум о взыскании 6400 руб.

В обоснование своих требований истец сослался на то, что эту сумму ответчик получил 12 октября 1950 г. в виде аванса по договору о выполнении им многофигурных картин на тему «Герои Социалистического Труда Республики», однако впоследствии производственно-художественные мастерские от договора с ответчиком отказались в связи с тем, что представленные ответчиком эскизы картин были отклонены художественным советом Всесоюзной сельскохозяйственной выставки как выполненные на низком художественном уровне.

Народный суд 1-го участка Дзержинского района г. Баку решением от 4 октября 1954 г. постановил взыскать с ответчика в пользу истца 6400 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Азербайджанской ССР определением от 27 октября 1954 г. это решение оставила в силе.

Президиум Верховного суда Азербайджанской ССР 12 марта 1955 г. отклонил протест заместителя прокурора Азербайджанской ССР.

Председатель Верховного суда СССР в протесте просит все судебные решения, определения и постановления отменить и в иске производственно-художественным мастерским отказать.

Протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Как усматривается из материалов дела, соглашение между сторонами о выполнении ответчиком для истца художественного заказа было заключено 12 октября 1950 г. Тогда же ответчик получил от истца в виде аванса 6400 руб.

Постановление художественного совета Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, которым были отклонены эскизы ответчика, состоялось 6 апреля 1951 г.

Иск в суде производственно-художественные мастерские предъявили лишь в августе 1954 года, то есть с пропуском срока давности, установленного ст. 44 ГК Азербайджанской ССР.

Рассматривая дело, народный суд в нарушение закона (ст. 49 ГК) восстановил истцу срок давности, сославшись на то, что срок был пропущен по уважительным причинам. Между тем в деле нет никаких данных, из которых можно было бы прийти к выводу о том, что истец пропустил срок давности по причинам, которые являются основательными. В решении суд сослался лишь на то, что по вопросу о возврате аванса, полученного Салам-Заде, длительное время велась переписка между истцом и Художественным фондом СССР.

Это обстоятельство не могло служить основанием к продлению истцу срока давности, так как согласно закону (ст. 49 ГК) срок исковой давности может быть продлен судом лишь в тех случаях, когда будет установлено, что истец в силу не зависящих от него обстоятельств был лишен возможности предъявить иск в срок, установленный законом.

В данном же случае, не говоря об отсутствии в деле материалов, свидетельствующих о длительной переписке истца с Художественным фондом СССР, сам факт такой переписки не может рассматриваться как обстоятельство, препятствующее предъявлению иска.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Все судебные решения, определения и постановления по данному делу отменить, в иске производственно-художественным мастерским к Салам-Заде о взыскании 6400 руб. отказать.

**6. СУДУ НЕ ПОДВЕДОМСТВЕННЫ ДЕЛА О ПРИЗНАНИИ ПРАВА
СОБСТВЕННОСТИ НА ДОМА, ВОЗВЕДЕННЫЕ ГРАЖДАНАМИ
БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ МЕСТНОГО СОВЕТА**

*Определение по делу № 03/347-55. Иск Скляровых
о праве собственности на строение*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 13 августа 1955 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда 1-го участка Сталинского района г. Таганрога от 16 февраля 1955 г. по иску Скляровой М. И. и Склярова Н. Ф. к Склярову Ф. Т. и Токмачевой П. Ф. о признании права собственности на строение.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Скляровы М. И. и Н. Ф. обратились в суд с иском к Склярову Ф. Т. и Токмачевой П. Ф. о признании права собственности на строение в г. Таганроге по 16-му переулку, № 18, «Б».

В обоснование иска Скляровы указали, что строение это возведено лично ими в 1951 году на земельном участке, на котором находится дом их матери — Скляровой А. И. После смерти Скляровой А. И. в 1954 году у них возникла необходимость оформить право собственности на это строение, против чего остальные наследники не возражают.

Народный судья 1-го участка Сталинского района г. Таганрога 22 ноября 1954 г. отказал Скляровым в принятии искового заявления по тем мотивам, что суд не вправе рассматривать иски о праве собственности на строения, возведенные без разрешения местного Совета.

Ростовский областной суд определением от 3 декабря 1954 г. резолюцию народного судьи оставил в силе.

Судебная коллегия Верховного суда РСФСР определением от 10 января 1955 г. отменила резолюцию народного судьи и определение Ростовского областного суда и предло-

жила суду принять и рассмотреть иск Скляровых по существу.

Народный суд 1-го участка Сталинского района г. Таганрога 16 февраля 1955 г. решил иск Скляровых удовлетворить.

Председатель Верховного суда СССР внес протест на определения Верховного суда РСФСР от 10 января 1955 г. и на решение народного суда от 16 февраля 1955 г.

Протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Обращение Скляровых в суд не имело целью разрешение спора о праве гражданском (ибо никто из наследников с ними по поводу права собственности на строение не спорил).

Из материалов дела видно, что строение под лит. «Б» возведено истцами в 1951 году без разрешения коммунального отдела горисполкома, ввиду чего Бюро инвентаризации отказало в регистрации этого строения как самовольно возведенного.

Согласно постановлению Совета Министров СССР от 26 августа 1948 г. «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1948 г. «О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов», вопросы об отводе земельных участков для строительства жилых домов и выдача разрешения на постройку домов выдаются исполкомами местных Советов депутатов трудящихся.

Пунктом 10 этого постановления предусмотрено такое право исполкомов Советов депутатов трудящихся решать вопросы о прекращении самовольного строительства и о сносе самовольно возведенных строений.

Согласно постановлению СНК РСФСР от 22 мая 1940 г. «О мерах борьбы с самовольным строитель-

ством в городах, рабочих, курортных и дачных поселках», контроль за проведением индивидуального жилищного строительства в строгом соответствии с проектами планировки и застройки города и поселка лежит на обязанности государственного строительного контроля и городских и поселковых исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся.

При таких обстоятельствах народный судья правильно указал Складчиковым, что разрешение вопроса о

признании за ними права собственности на строение, возведенное ими самовольно, не входит в компетенцию суда.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить определение Верховного суда РСФСР от 10 января 1955 г. и решение народного суда от 16 февраля 1955 г. и дело производством в судебном порядке прекратить за неподведомственностью.

7. НЕОБОСНОВАННОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВОМ ДЕЛА ПО ИСКУ О ПРИЗНАНИИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ ДОМА

Определение по делу № 03/299-55. Иск Варнель к жилищному управлению и Диманштейн о признании недействительными договоров купли-продажи дома

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 9 июля 1955 г. протест Председателя Верховного суда СССР на постановление народного судьи 1-го участка г. Даугавпилса от 6 апреля 1955 г. об отказе в приеме искового заявления Варнель о признании недействительными договоров купли-продажи дома, заключенных жилищным управлением Даугавпилского горисполкома с Зильбер и Диманштейн.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Истица Варнель проживает в доме местного Совета и является съемщиком примерно половины всего дома, площадь которого составляет 68,03 кв. м. Во второй половине этого дома проживают съемщики жилой площади Зильбер и Диманштейн.

В мае 1953 года жилищное управление Даугавпилского горисполкома в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1948 г. «О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов»¹ заключи-

ло с Зильбер и Диманштейн договоры о купле-продаже жилого дома, в котором они проживают.

Варнель, считая, что ее права были ущемлены, обратилась с иском к жилищному управлению, к Зильбер и Диманштейн о признании недействительными упомянутых выше договоров и о переводе на нее права приобретателя на часть дома, которую она занимает как квартиросъемщик.

Народный судья 1-го участка г. Даугавпилса постановлением от 6 апреля 1955 г. возвратил истице исковое заявление без рассмотрения, указав на то, что он «не находит оснований к расторжению договора купли-продажи от 9 мая 1953 г., оформленных Даугавпилской нотариальной конторой».

Жалоба Варнель, поданная в порядке надзора, была отклонена заместителем Председателя Верховного суда Латвийской ССР по тем мотивам, что вопрос о том, кому из жильцов дома горсовет решил продать дом, не подлежит рассмотрению в суде.

Протест об отмене постановления народного судьи, согласно которому отказано в приеме искового заявле-

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР» 1948 г. № 36.

ния Варнель по названному выше иску, подлежит удовлетворению ввиду следующего:

Согласно п. 9 инструкции Министерства финансов СССР от 10 января 1949 г. № 40 «О порядке продаж гражданам одно- и двухэтажных жилых домов с числом комнат от одной до пяти включительно» продажа исполкомами местных Советов депутатов трудящихся жилых домов из существующего жилищного фонда производится одному или группе съемщиков.

Даугавпилский горисполком, как утверждала Варнель в исковом заявлении, не поставил ее в известность о продаже спорного дома, не предложил ей приобрести занимаемую ею $\frac{1}{2}$ часть дома и тем нарушил ее право покупки части дома.

Следовательно, претензия Варнель, вытекающая из гражданских

отношений, в соответствии со ст. 21 ГПК РСФСР подлежит разрешению в судебном порядке.

Народный же судья в своем постановлении не учел этих обстоятельств.

Кроме того, отказывая в приеме искового заявления, народный судья указал, что договор купли-продажи не подлежит расторжению, между тем вопрос о разрешении спора по существу может быть разрешен составом суда, а не единолично судьей.

Ввиду изложенного, соглашаясь с протестом, Судебная коллегия определила:

Постановление народного судьи 1-го участка г. Даугавпилса от 6 апреля 1955 г. отменить и дело передать в тот же народный суд для рассмотрения по существу.

8. НЕПРАВИЛЬНОЕ ПРИЗНАНИЕ ПРАВА НА ПАЕНАКОПЛЕНИЕ ЗА НАСЛЕДНИКАМИ ЛИЦА, НЕ СОСТОЯВШЕГО ЧЛЕНОМ ДСК

Определение по делу № 03/264-55. Иск Хашутоговых Е. З., Л. К., А. Г. и Аношиной К. Г. к Хашутогову П. Г. и правлению ДСК «Авиажилстрой» о признании права наследования на паенакопление

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 18 июня 1955 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение Московского областного суда от 30 марта 1954 г. и определение Верховного суда РСФСР от 28 апреля 1954 г. по иску Хашутоговых Евгении, Людмилы, Ары и Аношиной К. к Хашутогову Петру Георгиевичу и правлению ДСК «Авиажилстрой» о признании права на паенакопление.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

В октябре 1953 года Хашутогова Евгения и Хашутогова Людмила — жена и дочь Хашутогова Карапета, умершего в 1945 году, предъявили в

суде иск к брату умершего — Хашутогову Петру и ДСК «Авиажилстрой» о признании права наследования на половину паенакопления, числящегося в ДСК на имя Петра Хашутогова.

Свои исковые требования истицы обосновывали тем, что оба брата — Хашутогов Карапет и Хашутогов Петр являлись членами ДСК и участвовали в строительстве дачи, и, следовательно, половина паенакопления в ДСК должна после смерти Хашутогова Карапета перейти к ним как его наследникам.

С иском в суд о признании права на половину паенакоплений обратились также Хашутогов Ара и Ано-

шина К. — брат и сестра Хашутогова Петра, ссылаясь на то, что они вместе с Петром Хашутозовым участвовали в постройке дачи.

Московский областной суд, рассмотрев это дело по первой инстанции, решением от 30 марта 1954 г. постановил: признать право за Хашутозовыми Евгенией и Людмилой на $\frac{1}{3}$ часть паенакопления, числящегося на имя Хашутогова Петра в ДСК «Авиажилстрой».

В иске Хашутогову А. и Аношиной К. к Хашутогову Петру о признании права на паенакопление отказать.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР определением от 28 апреля 1954 г. решение областного суда оставила в силе.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене решения областного суда от 30 марта 1954 г. и определения Верховного суда РСФСР от 28 апреля 1954 г. в части иска Хашутоговой Евгении и Хашутоговой Людмилы подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Членом ДСК является лицо, принятое в члены кооператива общим собранием в порядке, предусмотренном уставом ДСК.

По утверждению правления ДСК «Авиажилстрой» Хашутогов Карапет членом ДСК «Авиажилстрой» не состоял и в члены этого кооператива не принимался.

Это обстоятельство подтверждается и письмом Мосжилуправления, которое в связи с требованиями Хашутоговых Евгении и Людмилы о приеме их в члены ДСК проверяло, вступал ли Хашутогов Карапет в члены ДСК или нет и установило, что Хашутогов Карапет членом ДСК не состоял.

В деле нет ни одного документа, подтверждающего, что правление или общее собрание ДСК призна-

вали бы Хашутогова Карапета членом своего кооператива и обращались бы к нему как к члену кооператива по вопросам деятельности ДСК.

Хашутогов Карапет знал, что членом ДСК оформлен не он, а его брат — Хашутогов Петр и ему как юристу по профессии не могли не быть известны юридические последствия, вытекающие из этого факта как для него самого, так и для его семьи.

Тем не менее при своей жизни Хашутогов Карапет ни разу не ставил перед кем-либо вопроса о том, что неправильно числится членом ДСК один Хашутогов Петр и что он, Хашутогов Карапет имеет равное право со своим братом Петром на членство в ДСК.

Следовательно, не только ДСК не считал Хашутогова Карапета членом кооператива, но и сам Хашутогов Карапет себя членом кооператива не считал и никаких претензий по этому поводу не заявлял.

При таких обстоятельствах выводы суда о том, что Карапет Хашутогов являлся членом ДСК, следует признать необоснованными и не соответствующими фактическим обстоятельствам дела, в силу чего у наследников Хашутогова Карапета нет законных оснований претендовать на паенакопление в ДСК, так как то, чем не обладал наследодатель, не могло перейти к его наследникам.

Принимая во внимание, что обстоятельства дела ясны и собирание дополнительных доказательств не требуется, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить решение Московского областного суда от 30 марта 1954 г. и определение Верховного суда РСФСР от 28 апреля 1954 г. в части удовлетворения иска Хашутоговых Евгении и Людмилы и в иске о признании права на часть паенакопления Хашутогова Петра отказать.

9. В ТЕХ СЛУЧАЯХ, КОГДА НАСЛЕДОДАТЕЛЬ ОСТАВИЛ ЗАВЕЩАНИЕ НА ВСЕ СВОЕ ИМУЩЕСТВО В ПОЛЬЗУ ОПРЕДЕЛЕННОГО ЛИЦА, ЭТО ЗАВЕЩАНИЕ РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ И НА ХРАНЯЩИЙСЯ В СБЕРКАССЕ ВКЛАД, ЕСЛИ В ОТНОШЕНИИ ЭТОГО ВКЛАДА НЕ БЫЛО СДЕЛАНО СПЕЦИАЛЬНОГО РАСПОРЯЖЕНИЯ

Определение по делу № 03/660-54. Жалоба Дубинской П. С. на действия нотариуса

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 7 июля 1954 г. протест Генерального Прокурора СССР на определение Херсонского областного суда от 21 мая 1952 г. и определение Верховного суда УССР от 6 июня 1952 г. по жалобе Дубинской П. С. на действия нотариуса.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

10 октября 1951 г. умер Эрлих Я. С., оставив завещание на все свое имущество Дубинской П. С. Нотариус, к которому Дубинская обратилась с просьбой об оформлении своих наследственных прав, выдав свидетельство о праве наследования дома, отказал ей в выдаче свидетельства о праве наследования денежного вклада, находящегося в сберегательной кассе, ссылаясь на то, что в завещании нет распоряжения наследодателя о вкладе.

Считая свои права неосновательно нарушенными, Дубинская обратилась в областной суд с жалобой на действия нотариуса.

Херсонский областной суд определением от 21 мая 1952 г. признал действия нотариуса правильными.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда УССР определением от 6 июня 1952 г. определение областного суда оставила в силе.

Протест Генерального Прокурора СССР об отмене определения областного суда и определения Верховного суда УССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Признавая действия нотариуса об отказе в выдаче свидетельства о праве наследования на вклад правильными, как областной суд, так

и Верховный суд УССР сослались на § 52 инструкции Министерства финансов СССР № 901 от 20 июня 1949 г. по приему, хранению и выдаче вкладов государственными трудовыми сберегательными кассами.

Между тем упомянутой выше инструкцией, в частности, § 52 инструкции, на который сослался суд, предусмотрено, что при отсутствии в завещании оговорки о вкладе это завещание распространяется и на вклад.

Из этого следует, что в тех случаях, когда вкладчик не сделал специального завещательного распоряжения в отношении вклада на случай своей смерти в пользу определенного лица, хранящиеся в сберкассе вклады, согласно ст. 427¹ ГК УССР, переходят или наследникам по закону, или, если имеется завещание на имущество в пользу определенного лица, — этому лицу.

Наследодатель Эрлих оставил завещание в пользу Дубинской на все свое имущество и никакого особого распоряжения в отношении вклада не сделал.

При этих условиях нотариус неправильно отказал Дубинской в выдаче свидетельства о праве наследования на вклад Эрлиха в сберкассе.

Исходя из вышеизложенного, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить определение Херсонского областного суда от 21 мая 1952 г. и определение Верховного суда УССР от 6 июня 1952 г. и действия нотариуса Херсонской нотариальной конторы об отказе в выдаче свидетельства о праве наследования Дубинской на вклад Эрлиха признать неправильными.

10. ТРЕБОВАНИЕ ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ ИМУЩЕСТВА ИЗ ОПИСИ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ УДОВЛЕТВОРЕНО, ЕСЛИ ОПИСЬ ПРОИЗВЕДЕНА В СВЯЗИ С ОСУЖДЕНИЕМ В УГОЛОВНОМ ПОРЯДКЕ И СУДОМ УСТАНОВЛЕНО, ЧТО ИМУЩЕСТВО ПРИОБРЕТЕНО НА СРЕДСТВА, ДОБЫТЫЕ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Определение по делу № 03/872-54. Иск Калашникова и Скуратовой об исключении из описи имущества

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 22 сентября 1954 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда Белогорьевского района от 28 декабря 1953 г., на определение Воронежского областного суда от 29 января 1954 г. и на определение Верховного суда РСФСР от 24 июля 1954 г. по иску Калашниковой М. А. и Скуратовой Н. А. об исключении из описи части домовладения.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

В связи с осуждением Калашникова Ф. М. по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» с конфискацией имущества и со взятием в возмещение ущерба 13 000 руб. была произведена опись имущества. В опись была включена $\frac{1}{2}$ часть дома, находящегося в г. Павловске.

Жена осужденного Калашникова Ф. М. — Калашникова М. А. и ее сестра Скуратова Н. А. обратились в суд с заявлением об исключении из описи этой части дома.

Народный суд Белогорьевского района 28 декабря 1953 г., установив, что спорный дом приобретен на средства, добытые преступным путем Калашниковым, в иске Калашниковой М. А. и Скуратовой Н. А. отказал, при этом признал недействительным договор дарения части домовладения, заключенный между Калашниковой и Скуратовой.

Воронежский областной суд определением от 29 января 1954 г. решение народного суда оставил в силе.

По протесту Председателя Верховного суда СССР дело рассматривалось в порядке надзора Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда РСФСР, и определением от 24 июля 1954 г. протест был отклонен.

В протесте в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР ставится вопрос об отмене состоявшихся судебных решений ввиду неисследованности материалов дела и о передаче дела на новое рассмотрение.

Протест удовлетворению не подлежит.

Дело по иску Калашниковой и Скуратовой об исключении из описи дома исследовано с достаточной полнотой, и дополнительной проверки документов не требуется.

Из материалов дела усматривается:

Калашникова М. А. состоит в браке с гр-ном Калашниковым с 1925 года. При совместной жизни Калашниковы построили дом в г. Павловске, на улице Красный Пахарь, который был зарегистрирован на имя Калашниковой.

В 1950 году Калашникова по договору дарения подарила этот дом своей дочери Горяиновой Е. Ф. и тогда же купила $\frac{1}{2}$ часть дома № 21 на улице Пушкина, в г. Павловске. Деньги 17 000 руб. согласно договору купли-продажи уплатила продавцу полностью.

24 сентября 1951 г. Калашникова подарила своей сестре — Скуратовой $\frac{2}{3}$ части из приобретенной ею половины дома № 21 по улице Пушкина. Заключение договора дарения дома Калашникова объяснила тем, что ее сестра Скуратова дала ей 12 000 руб. на приобретение этого дома.

Однако то обстоятельство, что Калашникова получила от Скуратовой 12 000 руб. на приобретение дома, не нашло подтверждения в материалах дела.

По делу доказано, что $\frac{1}{2}$ часть домовладения № 21 по улице Пушкина приобретена Калашниковой в то время, когда ее муж Калашников присвоил колхозные средства. Присвоение Калашниковым денег имело место в октябре 1950 года, а в декабре жена Калашникова купила $\frac{1}{2}$ часть домовладения, оформив ее на свое имя.

Утверждение Калашниковой, что $\frac{1}{2}$ часть спорного дома она купила на средства, вырученные от продажи дома, расположенного в том же г. Павловске, по улице Красный Пахарь, опровергается тем, что дом по улице Красный Пахарь был подарен дочери, а дочь продала дом уже после того, как Калашникова купила $\frac{1}{2}$ часть дома.

Таким образом, вывод суда о том, что дом № 21 по улице Пушкина Калашникова М. А. приобрела на средства, полученные ею от мужа Калашникова и добытые им преступным путем, является правильным.

Как отмечено выше, в деле нет

доказательств, свидетельствующих о том, что Скуратова давала Калашниковой 12 000 руб. В договоре купли-продажи дома Скуратова Н. А. покупателем дома не значится, а договор дарения дома Скуратовой Калашниковой оформила тогда, когда ее муж Калашников Ф. М. находился под следствием в связи с присвоением колхозных средств.

Поскольку материалами дела установлено, что $\frac{1}{2}$ часть дома приобретена на средства, добытые преступным путем, суд правильно отказал Калашниковой и Скуратовой в иске об исключении из описи дома.

Решение народного суда и последующие определения Воронежского областного суда и Верховного суда РСФСР вынесены согласно имеющимся доказательствам и с учетом п. 8 постановления Пленума Верховного суда СССР от 19 марта 1948 г. «О судебной практике по делам об исключении имущества из описи».

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Протест отклонить.

11. ПО ИСКАМ ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ ИЗ ОПИСИ ИМУЩЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОШЛИНА ВЗЫСКИВАЕТСЯ В ТВЕРДОЙ ДЕНЕЖНОЙ СУММЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОЙ ИНСТРУКЦИЕЙ МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВ СССР ОТ 14 МАРТА 1947 Г.

*Определение по делу № 03/215-55. Иск Калюжняк
и других об исключении имущества из описи*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании от 27 апреля 1955 г. протест Генерального Прокурора СССР на постановление Президиума Верховного суда УССР от 18 декабря 1954 г. по иску Калюжняк П. С. и Калюжняк В. М. к Киевскому горжилуправлению, райжилуправлению и райфинотделу об исключении из описи имущества.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Приговором Верховного суда УССР от 29 декабря 1948 г. — 1 января 1949 г. Калюжняк Г. М. осужден по ст. 127 УК УССР к лишению свободы с конфискацией лично ему принадлежащего имущества.

Во исполнение приговора Верховного суда УССР в части конфискации имущества судебным исполни-

телем народного суда была произведена опись имущества Калюжняка Г. М.

Жена осужденного — Калюжняк П. С. обратилась в суд с иском об исключении из описи имущества, как лично ей принадлежащего, так и приобретенного во время брака с осужденным Калюжняком Г. М.

В процессе рассмотрения дела с требованием об исключении из описи имущества обратились в суд брат осужденного Калюжняк В. М. и Лебедева Е. С.

Решением Киевского областного суда от 28 июля 1954 г. иски были удовлетворены.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда УССР определением от 20 августа 1954 г. решение областного суда оставила в силе.

По протесту Прокурора УССР Президиум Верховного суда УССР постановлением от 18 декабря 1954 г. отменил решение областного суда от 28 июля 1954 г. и определение Верховного суда УССР от 20 августа 1954 г. и дело передал на новое рассмотрение.

Президиум Верховного суда УССР правильно отменил решение областного суда и определение Верховного суда УССР и дело передал на новое рассмотрение по мотивам неисследованности всех обстоятельств по делу.

Вместе с тем в постановлении Президиума Верховного суда УССР неправильно даны указания областному суду, что при новом рассмотрении дела следует взыскать с истцов судебную пошлину, исходя из стоимости домовладения.

В обоснование своего постановления Президиум сослался на то, что Калюжняк В. М. построил дом без разрешения исполкома горсовета депутатов трудящихся, а Лебедева

и Калюжняк П. С. не имеют достаточных доказательств, подтверждающих принадлежность им лично описанного домовладения.

С этими мотивами постановления Президиума нельзя согласиться.

Предметом иска является требование об исключении из описи имущества.

Согласно § 16 инструкции Министерства финансов СССР от 14 марта 1947 г., изданной на основании ст. 11 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1942 г. «О государственной пошлине», с исковых заявлений третьих лиц об исключении из описи имущества, неправильно описанного финансовыми органами или судебными исполнителями, пошлина взимается при подаче заявления в размере 3 руб.

Следовательно, указание в постановлении Президиума Верховного суда УССР о взыскании с истцов судебной пошлины, исходя из стоимости описанного имущества, противоречит требованиям вышеуказанной инструкции от 14 марта 1947 г.

Отсутствие же у истцов документов, устанавливающих их право на домовладение, может служить лишь основанием для отказа в иске, а не для взимания пошлины в размере, не предусмотренном законом, и поэтому протест Генерального Прокурора СССР в этой части является правильным.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Исключить из постановления Президиума Верховного суда УССР от 18 декабря 1954 г. указания в части уплаты судебной пошлины, исходя из действительной стоимости описанного имущества.

**12. ЕСЛИ ИСТЕЦ НЕ МОЖЕТ ПРЕДСТАВИТЬ ПОДЛИННЫХ ДОКУМЕНТОВ
ВВИДУ НЕВОЗВРАЩЕНИЯ ИХ ДОРОГОЙ ИЛИ ПАРОХОДСТВОМ ПОСЛЕ
РАССМОТРЕНИЯ ПРЕТЕНЗИЙ, СУД НЕ ВПРАВЕ ОТКАЗАТЬ В ПРИЕМЕ
ИСКОВОГО ЗАЯВЛЕНИЯ**

*Определение по делу № 03/346-55. Иск правления
Хорезмского облпотребсоюза к Управлению Средне-Азиатского речного
пароходства и к Управлению Оренбургской ж. д.
о взыскании 6420 р. 51 к.*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 13 августа 1955 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определения народного судьи 2-го участка г. Чарджоу от 26 января 1955 г. и последующее определение Чарджоуского областного суда по иску правления Хорезмского облпотребсоюза к управлению Средне-Азиатского речного пароходства и к Управлению Оренбургской ж. д. о взыскании 6420 р. 51 к.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Управление Хорезмского облпотребсоюза в августе 1954 года обратилось в суд с иском к Средне-Азиатскому управлению речного пароходства и Управлению Оренбургской ж. д. о взыскании стоимости недостающей соли в сумме 6420 р. 51 к., поступившей в адрес истца по нескольким накладным.

Народный судья 2-го участка г. Чарджоу 26 января 1955 г. возвратил истцу исковое заявление без рассмотрения, сославшись на то, что истец не приобщил к своему заявлению подлинных железнодорожных накладных и коммерческих актов.

По этим же мотивам Чарджоуский областной суд 5 мая 1955 г. оставил без удовлетворения жалобу Хорезмского облпотребсоюза.

Заместитель Председателя Верховного суда Туркменской ССР жалобу облпотребсоюза отклонил.

Председатель Верховного суда СССР в протесте просит отменить определение народного судьи и последующее определение областного суда и дело направить в народный суд для рассмотрения по существу.

Протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Из приобщенных к жалобе истца документов усматривается, что все подлинные документы (накладные и коммерческие акты) были направлены истцом вместе с претензией Средне-Азиатскому управлению речного пароходства, которое, отклонив претензию, этих документов истцу не возвратило.

Исходя из этого, истец, обращаясь с иском в суд, одновременно ходатайствовал перед судом затребовать подлинные документы от перевозчика.

При таких обстоятельствах отказ суда в принятии искового заявления противоречит п. I постановления Пленума Верховного суда СССР от 29 января 1942 г. «О процессуальных нарушениях по делам, рассматриваемым судами на основании Устава железных дорог СССР и Устава внутреннего водного транспорта».

Доводы областного суда о том, что подлинные транспортные документы были возвращены истцу Управлением Оренбургской ж. д., не соответствуют действительности, так как из 9 накладных и актов, как это видно из ответа и описи документов, направленных народному суду железной дорогой, истцу были возвращены лишь три накладные.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить определение народного судьи 2-го участка г. Чарджоу от 26 января 1955 г. и определение областного суда от 5 мая 1955 г., дело направить в тот же народный суд для рассмотрения по существу.

13. В СЛУЧАЕ НЕОБХОДИМОСТИ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ НЕ В МЕСТЕ НАХОЖДЕНИЯ СУДА, РАССМАТРИВАЮЩЕГО ДЕЛО, СУД, ПРИНЯВШИЙ ДЕЛО К СВОЕМУ ПРОИЗВОДСТВУ, МОЖЕТ В ПОРЯДКЕ ОТДЕЛЬНОГО ТРЕБОВАНИЯ ПОРУЧИТЬ НАРОДНОМУ СУДУ ДРУГОГО РАЙОНА ВЫЯСНИТЬ ВСЕ ИНТЕРЕСУЮЩИЕ ЕГО ФАКТЫ

Определение по делу № 03/267-55. Иск Ванниковой к Маковке о взыскании средств на содержание сына и встречный иск Маковки к Ванниковой о признании недействительной записи его отцом ребенка в органах загса.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 25 июня 1955 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение народного суда Ново-Георгиевского района Кировоградской области от 14 апреля 1955 г. по иску Ванниковой к Маковке о взыскании средств на содержание сына, рождения 1940 года, и по встречному иску Маковки к Ванниковой о признании недействительной записи его отцом ребенка в органах загса.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР установила:

В августе 1952 года Ванникова, проживающая постоянно в г. Хабаровске, обратилась в суд с иском к Маковке о взыскании средств на содержание сына Виталия, родившегося 6 июля 1940 г.

Для рассмотрения дела по существу оно было направлено в народный суд по месту жительства ответчика, проживающего в Кировоградской области.

Народный суд Ново-Георгиевского района Кировоградской области решением от 23 сентября 1952 г. иск Ванниковой удовлетворил и взыскал в ее пользу с ответчика Маковки 25 процентов от всех видов заработной платы.

Кировоградский областной суд определением от 10 октября 1952 г. отменил решение народного суда, направив на новое рассмотрение в народный суд Онуфриевского района Кировоградской области.

В ноябре 1952 года Маковка предъявил в суде встречный иск о признании недействительной запи-

си его отцом ребенка, произведенной органами загса Суражского района Брянской области.

До 12 января 1955 г. народный суд Онуфриевского района не рассматривал дела по существу, а затем направил его по подсудности в народный суд Ново-Георгиевского района Кировоградской области.

14 апреля 1955 г. народный суд Ново-Георгиевского района вынес определение, которым направил дело для рассмотрения по существу в народный суд Суражского района Брянской области.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене определения народного суда Ново-Георгиевского района Кировоградской области от 14 апреля 1955 г. подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Народный суд Ново-Георгиевского района Кировоградской области, направляя дело для рассмотрения по существу в народный суд Суражского района Брянской области, мотивировал это тем, что регистрация рождения ребенка была произведена в органах загса Суражского района и что в этом же районе проживают свидетели, которые могут подтвердить обоснованность встречного иска Маковки.

Указанные доводы не могли служить основанием для направления дела на рассмотрение в народный суд Суражского района Брянской области, так как в силу примечания 1 к ст. 25 ГК РСФСР иски о средствах на содержание детей могут предъявляться также по месту жительства истца.

В данном случае истица Ванникова в соответствии с требованиями

закона предъявила иск в народный суд 2-го участка Сталинского района г. Хабаровска, где она постоянно проживает, однако суд совершенно необоснованно направил исковое заявление истицы по месту жительства ответчика в народный суд Ново-Георгиевского района Кировоградской области.

Еще большую ошибку допустил народный суд Ново-Георгиевского района Кировоградской области, который направил дело в народный суд Суражского района Брянской области, где стороны вообще не проживают.

В случае необходимости допроса свидетелей, проживающих в Суражском районе, или проверки обстоя-

тельств, имеющих существенное значение для правильного разрешения дела, народный суд, рассматривающий дело, может в порядке отдельного требования поручить народному суду Суражского района выяснить все интересующие его факты.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить определение народного суда Ново-Георгиевского района Кировоградской области от 14 апреля 1955 г. и дело для рассмотрения по существу направить по месту жительства истицы Ванниковой в народный суд 2-го участка Сталинского района г. Хабаровска.